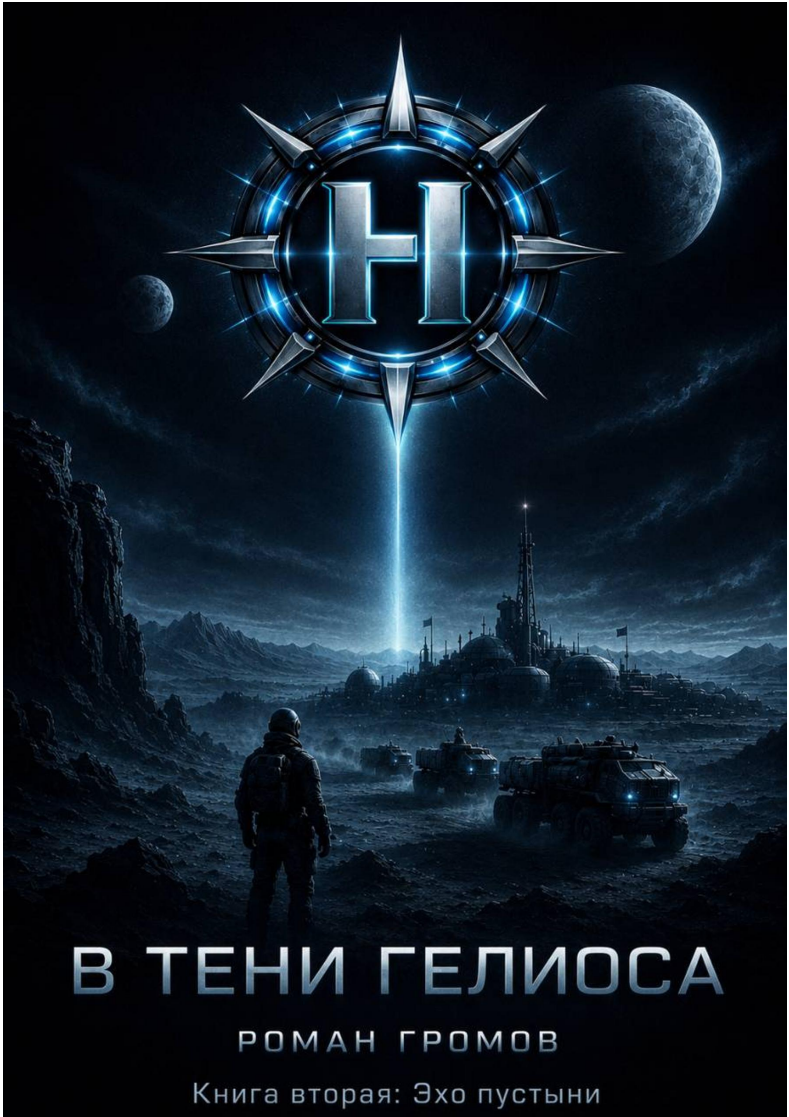

В ТЕНИ ГЕЛИОСА
РОМАН ГРОМОВ
Книга вторая: Эхо пустыни

Роман Громов

В тени Гелиоса. Эхо пустыни

Серия «В тени Гелиоса», книга 2

https://litres.ru/74196109
SelfPub; 2026

Аннотация

Максим выжил. Он прошёл сквозь пустыню, не погиб в каньонах, пережил бурю и встретил тех, кого система вычеркнула из памяти — но они не сдались. Теперь он стоит на пороге Сирокко-6. Здесь его ждёт та, ради кого он пересёк пустыню. Кай. Женщина, оставившая ему послание на старой карте. Женщина, которая верила — он придёт.

Но она не ждала сложа руки.

Пока Максим шёл к ней, она строила сопротивление. Вербовала людей, шептала правду тем, кто боялся даже дышать. Когда они встретятся, он поймёт: их встреча — не финал. Это точка отсчёта.

Отверженные готовы действовать. У них есть технология, способная перекроить планету. У Кай — люди, готовые рискнуть всем. Максим — тот, кто свяжет их воедино. Вместе они смогут изменить Сирокко.

Но система не отступает. Гюрза жаждет расплаты. Администрация затягивает петлю. А за всем этим стоит «Гелиос»

— бездушная мегакорпорация, построившая клетку и назвавшая её жизнью. И она не позволит разрушить свои стены.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1: Сирокко-6	7
Глава 2: Встреча	28
Глава 3: Тень Гюрзы	47
Глава 4: Союзники	67
Глава 5: Принятие	86
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Роман Громов
В тени Гелиоса.
Эхо пустыни

Предисловие

Всё началось на Земле. В тесных подвалах, где собирались те, кого система считала мусором. В мастерских, где пахло оловом и надеждой. На пустынных улицах, где люди с пустыми глазами смотрели в небо и не видели звёзд. Тогда Максим впервые взял в руки свою судьбу. И сделал шаг, которого никто от него не ждал.

Система сломала многих. Умбра погиб, так и не увидев рассвета. Вадим предал — испугался, сдался, выбрал клетку. Юля осталась одна на планете, которая никогда не была ей домом. Но Максим выжил на Сирокко. Он пересёк пустыню ради встречи с Кай, нашёл союзников среди тех, кого мир забыл, и почти нашёл её.

Теперь Максим мчится к Сирокко-6. Встреча близка. Но то, что они увидят друг в друге, изменит всё. Потому что каждый из них нёс свою ношу, каждый боролся в одиночку — и каждый верил, что однажды они встретятся среди дюн.

Их ждёт не тишина. Их ждёт голос. Тот, что поднимает-

ся из песков. Тот, что шепчет: «Система не вечна». Тот, что зовёт за собой — туда, где воздух становится правом, а не подачкой.

Глава 1: Сирокко-6

Я проснулся от тихого шипения. Сначала не понял, что это, — сон всё ещё не отпустил до конца. Где-то в глубине сознания ещё теплились обрывки сна: красное небо, песок, бесконечные каньоны. Но звук был слишком реальным, слишком близким. Я узнал его: фильтры шлема прокачивали воздух.

Кто-то надел его на меня, пока я спал.

Открыл глаза. Пещера была пуста. Обогреватель, который стоял в углу, давно остыл — я чувствовал это даже сквозь костюм. Ячейка терраформирования, создававшая воздух, исчезла. Герон забрал её с собой. Вокруг была только тишина и холодные каменные своды над головой.

Я сделал вдох. Фильтры шлема работали ровно, подавая чистый, свежий воздух. Герон позаботился об этом, прежде чем уйти. Я сел, чувствуя, как затекшие мышцы протестуют против движения. Небольшой, узкий матрас в нише, на котором я провёл ночь, был единственным напоминанием о вчерашней встрече. На камне рядом с ним лежала фляга с водой, несколько пайков, прибор с одной кнопкой и сложенный лист бумаги.

Я взял лист, развернул его. Буквы были выведены твёрдой рукой, без лишних завитков. Герон писал не спеша, но уверенно — как человек, который привык, что его слова имеют

вес.

«Вот тебе кликер. Захочешь встретиться — нажми кнопку. Через два дня после активации приезжай к той пещере, в которой ты спасался в прошлую бурю. Я пришлю кого-нибудь. Не задерживайся. Теперь ты должен найти её — и тогда мы сможем начать. Не верь тому, что говорят на станциях. Воздух — это право, а не подарок. Герон.»

«Кликер», — прочитал я вслух. Странное название для странного прибора.

Я взял его в руки. Старый, потёртый корпус из тёмного пластика, одна кнопка в углублении, никаких разъёмов, никаких индикаторов. Просто герметичный блок с антенной, впаянной прямо в пластик. На ощупь он казался почти тёплым — будто хранил тепло рук тех, кто носил его до меня. Мне предстояло понять, как эта штука работает. И почему она вообще может работать здесь, на Сирокко, где радиоволны почти не проходят на дальние расстояния.

Слишком много металлической пыли в атмосфере, слишком много сернистых соединений. Они рассеивают сигналы, отражают, глушат. Спутниковая связь и та кое-как работала лишь в редкие окна и только через мощные ретрансляторы на станциях. А у Отверженных не было доступа к ним. Но низкие частоты... они могли проникать сквозь пылевую взвесь. Недалеко. Может, на пятьдесят-сто километров.

Но если у них есть релейная сеть — несколько приёмников, которые передают сигнал дальше, как эстафета, — то

дальность становится не важна. Сигнал просто прыгает от одной точки к другой, пока не достигнет цели. Я представил эту сеть: маленькие коробочки, спрятанные в пещерах, под камнями, в старых машинах. Каждая принимает сигнал, усиливает и отправляет дальше. «Инженерная мысль Отверженных», — подумал я. — «Они используют то, что система считает мёртвым».

Я сжал кликер в руке. Он был лёгким, почти невесомым, но в нём чувствовалась надёжность. Я зажал его в правой руке, а левой потянулся к спине, чтобы отстегнуть из крепления тонкий транспортный бокс. Схватился за боковую ручку — магнитный держатель завибрировал, и бокс оказался у меня в руках. Я подождал пару секунд, пока стенки раздулись, образуя что-то похожее на коробку с доступом сверху. Спрятал кликер внутрь, туда же закинул флягу и запас еды. Ещё мгновение — и бокс сдулся, плотно зафиксировав светлой плёнкой стенок новые предметы внутри. Я отправил его обратно на спину — магнит издал короткую вибрацию и всосал сложенный транспортный бокс в спинную нишу костюма.

Я поправил костюм, проверил, что ничего не болтается, и вышел из пещеры.

Солнце, после темных переходов, резануло по глазам. Пришлось спешно надвинуть на визор шлема золотистый солнцезащитный светофильтр. Только после того, как фильтр защёлкнулся, я смог нормально оглядеться. Каньоны

были пусты. Только на западе, у одной из многочисленных развилок, две плоские машины Отверженных уже исчезали в мареве. Я проводил их взглядом, чувствуя, как уходит последняя связь с теми, кто стал моими спасителями. Они уже были далеко, но я знал, что они вернутся — когда я нажму кнопку. Что касается топографии, я узнал это место — тот самый участок каньонов, который я проезжал вчера, когда пытался уйти от бури. До «Весты» — часа три пешком, или чуть меньше. Я проверил крепления магнитного держателя на спине, убедился, что транспортный бокс сидит плотно, и пошёл.

Три часа в пути. Жара. Песок. Тишина. Я шёл по дну каньона, и каждый шаг давался с трудом. Фильтры шлема подавали горячий воздух — почти такой же, как снаружи, только очищенный от серы и пыли. Он обжигал горло, сушил губы, заставлял чаще моргать. Внутри шлема быстро становилось влажно и душно. Пот скапливался на лбу, заливал глаза, но вытереть его было нечем — визор между мной и внешним миром был непроницаем. Я просто моргал, разгоняя влагу по стеклу, пока она не испарялась сама. Это занимало несколько секунд, но они казались вечностью.

Песок скрипел под ногами, просыпался в сочленения костюма, набивался в складки. Тишина давила на уши — только моё дыхание, только гул фильтров и тонкое шуршание песка. Иногда ветер поднимал столбы пыли, которые кружились вдалеке, и я останавливался, глядя на них. Они напо-

минали призраков — тех, кто когда-то шёл по этой дороге и не дошёл.

Постепенно я начал узнавать те места, которые вчера проезжал на скорости. Тогда они казались просто полосой препятствий — камни, осыпи, узкие проходы. Теперь, пешком, я видел их иначе. Замечал трещины в скалах, следы старой эрозии, редкие кусты «Корней-Ветров», цепляющиеся за жизнь в расщелинах. В одном месте я увидел поваленный бурей старый знак, наполовину засыпанный песком. Тот же, что и вчера. На нём ещё читалась надпись: *«Сирокко-6 — 4175 км»*. Я смотрел на этот указатель и думал о том, сколько людей прошло здесь до меня. И сколько из них не дошли.

Солнце поднималось над стенами каньона, тени становились короче. Жара усиливалась. Я шёл и думал о Кай. О том, что она скажет, когда увидит меня. О том, как я скажу ей всё, что не успел сказать тогда, на Земле. О том, что она могла сильно измениться — впрочем, как и я не остался прежним. Шагал и представлял её лицо, её голос, весёлую улыбку, румянец на щеках. Я так долго искал её, что почти забыл, как она выглядит. Но до сих пор помнил её глаза — серые, внимательные, с искоркой, которую никто не мог погасить.

К концу третьего часа я вышел на знакомый участок с небольшой нишей в изрезанных стенах каньона. «Веста» стояла там же, где я её и оставил.

Она была почти полностью засыпана песком. Только крыша и одна дверь, которую откопали мои спасители, торчали

наружу. Вокруг лежали груды песка и мелкой породы, нанесённые ветром. Я подошёл, оценил масштаб работы. Лопаты не было — только руки. Пришлось копать руками за неимением лучшего. Работал не меньше двадцати минут, разгребая большущий нанос, пока не начали болеть лопатки, а дыхание совсем не сбилось.

После небольшого перерыва продолжил. Песок сыпался обратно, приходилось отбрасывать его шире, чтобы не обваливались края импровизированного окопчика вокруг машины. Руки в перчатках быстро уставали, но я не останавливался. И продолжал нагребать грунт, чувствуя, как пот заливает глаза, как песок набивается в каждую складку костюма. Не остановился и дальше, потому что знал: другого выхода нет.

Через час с лишним я освободил колёса и днище настолько, чтобы можно было попытаться выехать. Запрыгнул в «Весту», покрутил руль на месте, только потом завёл двигатель. Он чихнул, кашлянул — и заработал. Я аккуратно сдал назад, выбираясь из песчаной ямы. «Веста» послушно выехала на твёрдую поверхность. Я заглушил двигатель, глянул на показания приборов. Проверил запас топлива — почти полный, едва израсходовано процентов двадцать. Отлично.

Затем вылез из машины и открыл капот. Вытащил из крыльевых ниш фильтры двигателя. Они были более-менее чистыми — я ведь вчера почти сразу выключил движок, и «Веста» не успела нахватать пыли. Постучал об колесо, вытряхнул из них застрявшую в мембранах мелкую фракцию пес-

ка и поставил обратно. Затем перешёл к фильтрам системы жизнеобеспечения. Они забились сильнее — песок набился в каждую складку. Я достал щёточку из-под сиденья «Весты» и аккуратно, чтобы не повредить мембраны, стряхнул песок с внешних решёток, прошёлся по фильтрам. Снятые решётки тоже решил почистить и только потом ставить на место, благо крепились они в пазах. Тоже потряс их на ветру, продул, проверил — дышат. Поставил на место.

И только после этих нехитрых манипуляций вернулся в кабину, закрыл дверь. Включил систему жизнеобеспечения. Компрессоры загудели, прокачивая воздух через свежеочищенные фильтры. На панели зажглись зелёные индикаторы. Я ждал, пока баллоны наполнятся кислородом хотя бы до 25% — неприкосновенный запас, которого должно хватить, чтобы продержаться какое-то время, если машина сломается и система жизнеобеспечения не сможет работать. Я сидел в тишине, слушая гул компрессоров, и думал о том, сколько раз я уже делал это. Сколько раз я чинил, настраивал, ждал. И каждый раз это возвращало меня к жизни.

Снял шлем. Вдохнул. Воздух был чистым.

Через полчаса, когда датчики подтвердили степень заполнения баллонов с кислородом на четверть, я тронул «Весту» и взял курс на восток.

Первые часы езды были привычными. Сеть каньонов осталась позади, а впереди пустыня тянулась до горизонта — красная, бесконечная, безжизненная. Включил автопилот,

позволил себе откинуться на спинку сиденья. Смотрел вперёд, слушал гул двигателя, думал о Кай. О том, как я её люблю и не смотря ни на что почти нашёл её. О том, что она ждала меня там, на станции. А ещё о том, что мы очень скоро снова увидимся.

Солнце медленно ползло по небу, и тени от «Весты» становились длиннее. Я проверял время от времени карту на навигаторе — до Сирокко-6 оставалось ещё больше тысячи километров. Ещё часов шесть пути, не меньше. И это если не останавливаться. Я смотрел на карту и видел, как мой пункт назначения медленно приближается — сантиметр за сантиметром, километр за километром.

К вечеру я понял, что не доеду засветло. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая пустыню в багровые тона — такие же, как кровь, как песок, как всё на этой планете. Я остановился у небольшой скалы — единственного укрытия на много километров вокруг. Загнал «Весту» в тень, заглушил двигатель.

Тишина. Только ветер гулял по пустыне, поднимая тонкие струйки песка.

И только сейчас вспомнил, что сегодня ничего не ел, а вода из гидратора особой погоды не сделала. Едва в голове пронеслись эти мысли, мой желудок, будто разбуженный ими, начал отчаянно бурлить, настойчиво требуя ужина.

Надутый транспортный бокс уже в руках. Я выудил из его чрева коричневые, будто скатанные из чёрного хлеба боль-

шие шарики, попробовал один на вкус. Приятный, с запахом вяленого мяса и пшеничной муки, походный рацион Отверженных несказанно удивил.

Едва я укусил плотную структуру, к привкусу мяса добавились тонкие нотки специй, оттенки какой-то зелени и сладковатый тон паприки или помидора. Я проглотил первый шарик, за ним во рту исчез и второй, а руки уже начинали рвать упаковку третьего. Одним словом, наелся до отвала. И лишь потом увидел, как в моей переноске помимо фляги перекатываются всего два таких пайка.

Достал флягу, отхлебнул. Это была не вода, а скорее настойка на травах с лёгким лимонным привкусом. Когда трапеза закончилась, я решил завалиться спать. Заблокировал двери, разложил сиденье и откинулся на спинку. В кабине было тепло — климат-контроль держал комфортную температуру. Снаружи, за бронированными стёклами, начиналась ночь. Температура падала на десятки градусов, и я видел, как на стёклах сначала собирается конденсат — тонкая, едва заметная влага. А потом, когда холод становился сильнее, этот конденсат начинал замерзать, закручивая причудливые ледяные узоры. Лёд полз от краёв к центру, рисуя на стекле сложные, почти живые линии. Они напоминали карту — карту пустыни, которую я прошёл, и той, которая ждала впереди.

Я смотрел на этот узор, слушал тишину и думал о Кай. О том, что увижу её завтра. О том, что она скажет мне. И о

том, как я скажу ей всё, что не успел сказать ещё тогда, на Земле. Я вспоминал, как мы сидели в той котельной, как она грела руки о кружку с чаем, как улыбалась. И понимал, что никогда до того момента не видел её такой счастливой, а ещё сожалел, что даже не знаю, какой она стала сейчас. И боялся, что не узнаю её.

Заснул я быстро. Усталость взяла своё.

Проснулся от холода. Снаружи было темно, но небо на востоке начало светлеть. Рассвет постепенно входил в полную силу, разгоняя серые, бледнеющие тени на небосклоне. Я сел, протёр глаза. Закинул в рот предпоследний шарик сухого пайка Отверженных. Прожевал, запил травяным настоем из фляги. Завёл «Весту» — двигатель заурчал ровно. И только потом оставил своё ночное укрытие и поспешил выехать на равнину. Снова взял курс на восток.

Последние часы пути тянулись медленно. Пустыня была пуста, будто замерла, ожидая нашей с Кай встречи. «Веста» шла бодро, с лёгкостью выжимая две сотни, даже обороты плавали не сильно. Я же всё время смотрел вперёд, ждал, когда на горизонте появится станция. Понимал, что она будет совсем другой — не такой, как остальные, которые я видел раньше. Шестая, самая новая станция из всех на Сирокко, последняя из построенных. Как я мысленно не готовился к встрече с ней, но всё равно оказался не готов.

Она появилась внезапно.

Сначала — просто светлое пятно в мареве. Потом я уви-

дел её контуры. И лишь через полчаса — начал различать детали. Сирокко-6 была огромной. Раз в шесть больше любой другой станции, которую я видел на этой планете. Она выглядела как настоящий наукоград — блоки из светлого полимера, купола с прозрачными крышами, высоченные мачты с антеннами и неизвестными мне приборами. Над станцией, в нескольких местах, высоко поднимались флагштоки с эмблемами «Гелиоса» и пирамидками «Нового Горизонта». Всё это сияло в лучах утреннего солнца, отражая свет так, что станция казалась сделанной из стекла и воздуха.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри сжимается что-то. Она была другой. Современной, стерильной, почти чужой.

Я остановил «Весту», вышел, чтобы рассмотреть её получше. Стоял на песчаном склоне, глядя на станцию, которая поднималась из пустыни, как белый город из другого мира. Ветер дул с востока, принося с собой тонкий аромат цветов — запах, которого никогда не было на других станциях.

Навстречу мне, со стороны станции, пылила небольшая колонна из трёх фур. Они были похожи на «Титаны» из каравана Джека, но колёса стояли иначе, а вместо грузовых платформ на них были установлены научные блоки — сканеры, антенны, приборы, которых я никогда не видел. Они выглядели сложными и дорогими — как всё на этой станции. Машины прошли мимо, не останавливаясь. На одной из них я заметил эмблему — стилизованный атом и надпись: *«Сирок-*

ко-6. Научный центр».

Я смотрел им вслед, пока они не скрылись за барханами. Потом сел в «Весту» и поехал прямо к станции.

Я подъехал к шлюзу и остановился. Не сразу — на мгновение задержался, глядя на массивные створки, которые должны были вот-вот открыться. Заглушил двигатель, вышел из машины и просто стоял несколько минут.

Смотрел на Сирокко-6. На её белые стены, на флаги, которые трепетали на ветру. На эмблемы «Гелиоса», которые были везде — на флагштоках, на корпусах зданий, даже на створках шлюза. Они смотрели на меня со всех сторон, напоминая, кто здесь хозяин.

Я думал о том, как много раз представлял этот момент. Как я подъезжаю к станции, где ждёт Кай. Как я выхожу из машины и вижу её. Как мы обнимаемся после стольких месяцев разлуки. В моей голове этот момент был другим — тёплым, радостным, полным слёз и улыбок.

Реальность была холоднее. Станция смотрела на меня равнодушно, как будто я был не человеком, а просто ещё одной машиной, которая приехала на разгрузку.

Я посмотрел на «Весту». Она выглядела грязной, потрёпанной, покрытой слоем пыли и песка. На фоне этой сияющей станции она казалась пришельцем из другого мира. Я тоже был пришельцем. Поправил костюм, проверил, хорошо ли закреплён транспортный бокс. Потом сделал глубокий вдох и пошёл обратно к машине.

Створки открылись, пропуская меня внутрь.

Отстойник перед шлюзом оказался свободен, а сама створка шлюза исчезла где-то в нише на потолке. Я заметил, как ветер гоняет внутри мелкую взвесь, а она, освещённая световыми панелями, движется как контрастные, маленькие вихри.

Завёл машину внутрь и остановился под мягким светом панелей у противоположных ворот шлюза. Створки закрылись за мной с тихим, почти бесшумным шипением — не тем грубым лязгом, к которому я привык на других станциях. Спустя минуту, когда стихли сильные потоки, обдувающие мою «Весту» со всех сторон, ответная створка поползла вверх, пропуская меня в помещение ангара. Воздух в ангаре был чище. Намного чище, чем я привык. Я заглушил двигатель, снял шлем и сделал глубокий вдох.

Здесь пахло не так, как на Сирокко-3 или Сирокко-5. Там воздух всегда был спёртым, с примесью химии и чужого пота. Здесь он был свежим, стерильным, с лёгким запахом озона и чистящих средств. Я вышел из «Весты» и огляделся.

Ангар был огромным. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке. Светлые, почти белые стены из глянцевого полимера отражали свет так, что помещение казалось ещё больше. Пол — идеально ровный, залитый каким-то светлым составом на резиновой основе, без трещин, без пятен масла. Вдоль стен стояли машины, которых я никогда ещё не видел: лёгкие, обтекаемые, с гладкими корпусами и сложными при-

борами на крышах. Никакой ржавчины, никаких заплаток. Всё сияло чистотой. На стенах висели огромные визуальные панели, которые проецировали схемы — какие-то графики, спектры, диаграммы. Я не понимал их смысла, но они выглядели сложными и дорогими. Где-то тихо гудело оборудование — ровно, без надрыва, в отличие от того, к чему я привык.

Люди в белых комбинезонах с эмблемами Сирокко-6 проходили мимо, не глядя на меня. Они не торопились, не сутулились, не выглядели уставшими. У них были свежие лица, чистая одежда, спокойные взгляды. На бейджах я читал: «доктор», «старший исследователь», «руководитель группы». Это были не рабочие. Это были учёные. Я стоял посреди этого ангара и чувствовал себя грязным, чужим, лишним.

Из боковой двери вышла девушка. Лет двадцати пяти, светлые волосы, собранные в хвост, на груди — бейдж с именем и эмблемой станции. Она улыбнулась мне — легко, приветливо. Её улыбка был такой же чистой, как всё вокруг.

— Здравствуйте! — сказала она. — Вы из какой экспедиции?

Я не сразу нашёлся, что ответить. Она смотрела на меня с искренним интересом, и я чувствовал себя неловко — как будто я сейчас точно был не на своём месте.

— Я я не из экспедиции, — сказал я. — Я просто приехал.

Она улыбнулась шире, будто не поняла.

— Ну, все, кто приезжает на Шестую, — из экспедиций.

Какое направление? Микробиология? Геология? Астрофизика? — Она перечислила названия так, будто читала меню. — Мы тут все по науке работаем. Кстати, когда я в прошлый раз прилетала, наша группа занималась микробиологией почв. Мы даже статью написали по этой теме. Очень интересная работа вышла!

Она говорила так легко, будто это самое обычное дело в мире. Она не ждала, что я скажу что-то другое. Для неё Сирокко — это наука. Это возможность. Это карьера.

Я смотрел на неё. Смотрел на её белый комбинезон, на чистое и светлое лицо, на её, будто выстиранную улыбку и белые зубы. И вдруг понял, что она ничего не знает. От слова совсем. Ей и невдомёк, как выглядят другие станции. Что люди там работают до изнеможения, дышат спёртым воздухом, спят в тесных каморках по десять человек. Она и понятия не имеет, что «приехать на Сирокко» для большинства — не научная экспедиция, а приговор.

Я было хотел сказать ей: *«Знаешь, на других станциях люди умирают от работы, от жары и скученности, или потому что у них нет лекарств»*. Или: *«Я знаю людей, которые работают по шестнадцать часов, чтобы ты могла писать свои статьи»*. Но я промолчал, прикусив губу. Потому что она бы не поняла этого. Или потому что я не хотел видеть, как её лицо изменится.

Для неё Сирокко — это возможность. Для меня — тюрьма. Для Кай и остальных обречённых — тоже.

— Я ищу человека, — сказал я наконец. — Её зовут Кай. Она работала на Сирокко-5, потом переехала сюда.

Девушка на мгновение задумалась.

— Кай Кажется, я слышала это имя. Она работает в техническом отделе, если не ошибаюсь. На нижних уровнях.

Она указала рукой в сторону коридора.

— Вам туда. Но вам нужно сначала зарегистрироваться. А там уже на месте подскажут точное место. Я провожу.

Я кивнул. Она развернулась и пошла вперёд, не оборачиваясь. А мне не оставалось ничего другого, как пойти за ней.

Мы прошли мимо открытой двери, из-за которой доносились голоса. Двое мужчин сидели в комнате отдыха — мягкие кресла, низкий столик, на стене большой экран с какими-то графиками. Один из них, молодой, с рыжеватой бородкой, откинулся на спинку кресла и говорил с лёгкой капризной интонацией:

— Надоело здесь, честно говоря. Никаких развлечений, хоть вешайся. И этот шведский стол каждый день — уже в горле стоит. Комната, кабинет — всё одно и то же. Пятьдесят квадратов, а кажется, что в клетке. Домой хочу. До конца контракта ещё два месяца, не знаю, как выдержу.

Второй, постарше, с усталым, но добродушным лицом, усмехнулся.

— Ничего, потерпи. Я слышал, у техников комнаты вообще по двенадцать метров, и живут по двое в одной. Так что у нас ещё роскошь.

Рыжеватый хмыкнул, но без интереса — эта новость явно не задела его. Они продолжили говорить о своих проблемах. О том, как им скучно, как они хотят домой. А я слушал это и чувствовал, как внутри закипает что-то тёмное, злое. Эти люди не знают, что такое настоящие проблемы. Они не знают, что значит провести сутки в замкнутом помещении при тридцатиградусной жаре. Они не знают, что такое восемь квадратных метров каморки на шестерых. Они не знают, что значит застрять в буре или работать до изнеможения и не иметь возможности уйти. Они просто живут в своём мире — и не хотят знать, что другой вообще существует.

Я прошёл мимо, и их голоса стихли за спиной.

Мы свернули в другой коридор. Здесь было светлее, шире. В одной из боковых ниш стояла группа женщин — четверо, в таких же белых комбинезонах, с идеальными причёсками и лёгкими голосами. Они говорили наперебой, перебивая друг друга, и смеялись. Их смех был таким же чистым, как всё вокруг — лёгким, беззаботным.

— Нет, ты видела? Я вчера эти чулки надела, так он вообще оторваться не мог!

— Да ладно, а я думала, он на тебя даже не смотрит.

— Ну, теперь посмотрит. Только надо на завтра что-то другое придумать, а то он привыкнет, и всё.

— У меня есть идея. Научный корпус завтра, там все в строгом, а я...

Они говорили о каких-то пустяках — о чулках, туфлях,

о взглядах мужчин. О том, как привлечь к себе внимание представителей противоположного пола. Обычные разговоры, какие я слышал не раз на Земле в институтах и кафе. Но здесь. На Сирокко. На планете, где за тонкими стенами станций люди погибали и пропадали навсегда. Или, как на Сирокко-5, работали по шестнадцать часов подряд, без сна и отдыха. И эти женщины не знали об этом. А самое страшное в том, что они никогда не узнают. Им не нужно.

Я шёл мимо, и эти голоса оставались позади, а на губах чувствовал лишь горечь. И горькое презрение, смешанное с ненавистью, прожигало мне душу. Девушка-администратор не оборачивалась, не ждала меня — она просто шла вперёд, уверенная, что я следую за ней.

За всё время, пока я шёл, я не услышал ни одного упоминания о других станциях. Никто не говорил о Сирокко-3, о Сирокко-5. Для них этих станций не существовало. Был только их мир — чистый, стерильный, безопасный. И я был в нём чужим.

Регистрационный пункт находился в конце коридора — небольшая стойка из белого полимера, за которой сидел молодой парень в таком же белом комбинезоне. На его бейдже было написано «младший администратор». Он улыбнулся мне, когда я подошёл, но улыбка его была дежурной — такой же, как у девушки, которая привела меня сюда.

— Здравствуйте! — сказал он. — Ваши документы?

Я протянул идентификационную карточку, которую мне

выдали ещё на Сирокко-3. Он взял её, вставил в считыватель, посмотрел на экран. Его брови слегка приподнялись.

— Вы приехали с Сирокко-3? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— О, вы, наверное, из геологической группы, которая работала на юге? — оживился он. — Я слышал, они проводили интересные исследования в прошлом году.

Я посмотрел на него. Он был искренен — он действительно думал, что я учёный. Что я приехал сюда работать над проектом, писать статьи, делать карьеру.

— Нет, — сказал я. — Я не из геологической группы.

Он удивился, но быстро взял себя в руки.

— Тогда вы из какой экспедиции?

— Я не из экспедиции, — повторил я. — Я просто приехал. Ищу человека.

Он моргнул, будто не понял. Потом его лицо снова стало приветливым, но я заметил, как изменился его взгляд — в нём появилась настороженность.

— Хорошо, — сказал он. — Заполните, пожалуйста, вот эту форму. — Он протянул мне планшет с сенсорным экраном. — Укажите цель вашего визита, срок пребывания и контактные данные человека, которого вы ищете.

Я взял планшет, начал заполнять. В графе «цель визита» я написал: *«Поиск человека. Кай. Технический отдел»*.

Парень смотрел на меня, пока я писал. Потом сказал:

— Вы знаете, это редкость — когда кто-то приезжает на

Шестую не по работе. Обычно все наши гости — учёные или исследователи. А вы вы просто ищете человека?

— Да, — ответил я, не поднимая головы.

— И вы приехали с Сирокко-3? — переспросил он. — Это ведь старая станция, да? Там, говорят, очень тяжело работать.

Я поднял на него глаза. Он тоже не знал. Он не знал, что Сирокко-3 — это не просто «тяжело работать». Он не знал, что там люди умирают. Он не знал, что это тюрьма. Для него Сирокко-3 была просто станцией, о которой он что-то слышал, но никогда не видел.

— Да, — сказал я. — Там тяжело.

Он кивнул, но я видел — он не понимает. И не сможет понять.

Я закончил заполнять форму, вернул планшет. Он проверил данные, поставил электронную подпись и вернул мне мою карточку.

— Всё в порядке. Добро пожаловать на Сирокко-6. Если вам понадобится помощь, обращайтесь в любой регистрационный пункт.

Я кивнул и отошёл от стойки.

Девушка-администратор уже ушла, оставив меня одного в коридоре. Я стоял, глядя на указатели, которые висели на стенах. *«Технический отдел — восточное крыло, нижний уровень»*. Я посмотрел в ту сторону и сделал первый шаг.

Через несколько минут неспешной прогулки коридоры

начали меняться. Свет становился тусклее. Стены — проще. Здесь не было глянцевого полимера и мягкого света. Здесь были обычные пластиковые панели, такие же, как на всех других станциях. Я спускался по лестнице и чувствовал, как воздух становится тяжелее. Не таким свежим, как наверху. В нём появлялись знакомый запахи — запах металла, смазки, старого пластика. Запах работы.

Я остановился на лестничной площадке, смотря вниз. Там, внизу, был технический отдел. Там, внизу, работала Кай. Я сделал глубокий вдох, чувствуя, как внутри нарастает тяжесть. Я боялся того, что увижу. Боялся, что она стала частью этого мира — мира, который не знает о других станциях.

Но я шёл. Потому что искал её слишком долго, чтобы сейчас остановиться.

Глава 2: Встреча

Я спускался по лестнице, и с каждым шагом мир вокруг менялся. Светлые, стерильные коридоры верхних уровней оставались позади, уступая место более простым, рабочим пространствам. Световые панели в потолке встречались реже, их мягкое сияние сменялось тусклым, дежурным освещением. Запах тоже менялся — вместо приятного аромата цветов, которыми пахло наверху, здесь чувствовались химические реагенты, горячая стружка и расплавленный пластик. Пахло работой. Настоящей, тяжёлой, ежедневной.

Люди вокруг стали другими. Не те беззаботные учёные, которые обсуждали туфли и шведский стол. Здесь ходили техники в голубых комбинезонах и кепках с эмблемой станции. Они не сутулились, но выглядели менее беззаботными, чем обладатели белых комбинезонов. Люди труда были заняты. У них всегда имелась работа.

Я шёл по коридору, и сердце колотилось где-то в горле. Долго искал нужную дверь. Останавливался у каждой таблички, вглядывался в надписи. Ничего. Потом я увидел техника, который нёс ящик с инструментами, и спросил его, где мне искать техника по имени Кай. Он не удивился, просто указал на дверь в конце коридора, а затем развернулся и ушёл, даже не спросив, кто я и зачем мне это нужно.

С замиранием сердца я подошёл к этой двери. Остановил-

ся. На табличке было написано: «Мастерская 47. Старший техник». Никакого имени. Только номер и должность. Но в правом нижнем углу я заметил рисунок. Контур небольшого цветка — наспех нацарапанный, будто кто-то водил чёрным маркером по пыльной поверхности, оставляя тёмный, но не очень чёткий рисунок. Я провёл по нему пальцем и улыбнулся. Я знал, кто это нарисовал. Она всегда так делала — оставляла маленькие знаки, которые никто не замечал, кроме тех, кто знал, куда смотреть. Я взялся за ручку и открыл дверь.

Мастерская оказалась светлым и довольно чистым помещением. Внутри всё убранство выглядело вполне современно. Вдоль стен сверху, в специальных пластиковых гнёздах, висели автоматические инструменты. На полу выстроились многочисленные роботизированные станки и лазерные резаки. В углах стояли несколько компактных принтеров для печати запчастей — похожих на те, которые я видел только на Сирокко-4, и то издалека. Только эти были новых моделей, и судя по всему, в объём их небольших корпусов производителям удалось запихнуть максимальную универсальность. Я глянул на один из них, тот, на котором в данный момент как раз была запущена программа создания очередной детали из серебристого металла. Аппарат разложил большие лопухи своего контейнера, увеличившись в размере в несколько раз по сравнению со сложенной версией. Внутри, то тут, то там, поминутно вспыхивали короткие фиолетовые вспыш-

ки. Не меньше десятка миниатюрных лазеров формировали будущую деталь. Пахло пластиковой и порошковой металлической печатью и ещё чем-то, чего я не мог определить. Это был запах будущего. Того, о котором мечтают на других станциях.

Я провёл пальцем по крышке принтера. Поверхность была гладкой, холодной, без единой пылинки. Моя рука, покрытая въевшейся грязью и машинным маслом, оставила на ней мутный след. Я отдёрнул руку, будто обжёгся. Я был чужим здесь. Слишком грязным среди этой стерильной чистоты.

Кай стояла ко мне спиной, наклонясь над верстаком с голографическим экраном. На ней был голубой комбинезон, волосы затянуты в тугой хвост и пропущены в кепку с эмблемой станции. Она что-то настраивала — я видел, как её пальцы, быстрые и уверенные, двигались по сенсорной панели, подсвеченной голубоватым светом.

Я закрыл за собой дверь и остановился, не веря своим глазам. Она не обернулась. А я всё продолжал тихонько стоять и смотреть на неё за работой. Мой взгляд скользил по её спине, потом переходил на плечи, а с них уже спускался на руки. Она изменилась. Я видел это даже со спины. Стала другой — не той хрупкой девушкой, которую я помнил. Кай явно стала сильнее.

Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но голос не слушался. Тогда я просто произнёс её имя.

— Кай.

Она замерла. Ещё мгновение назад её пальцы двигались по голографической схеме, а теперь застыли в воздухе. На мгновение мастерская замерла в тишине, нарушаемой только тихим гулом оборудования. Потом она медленно повернулась ко мне.

Только тут я смог увидеть её лицо. В нём было что-то новое, чего я раньше не замечал. Морщинки в уголках глаз стали глубже. Губы сжаты в тонкую линию. Взгляд стал твёрже. Она смотрела на меня. Долго. Молча. Я не знал, о чём она сейчас думает. Лишь боялся, что она уже не та, какую я её помнил. А мысль о том, что всё было зря, жгла изнутри, заставляя сердце выпрыгивать из груди.

Потом она покачнулась и сделала шаг ко мне. Ещё один. Я не двигался. Она подошла так близко, что я сразу уловил запах её волос — смесь машинного масла и шампуня. Она подняла руку и коснулась моего лица. Её пальцы были горячими, но я чувствовал, как они дрожат.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос был тихим, но я слышал в нём всё. — Я знала, что ты придёшь.

Она обняла меня. Крепко. Так крепко, что я чувствовал, как бьётся её сердце. Я обнял её в ответ, прижимая к себе, чувствуя, как её плечи вздрагивают. Я не знал, плачет она или нет. Я просто держал её и гладил по голове.

Мы стояли так долго. Минуту. Две. Может, больше. Точнее сказать не могу, так как полностью потерял ход времени.

Потом она отстранилась и посмотрела на меня. Улыбну-

лась. Это была та самая улыбка, которую я помнил. Она изменилась, но улыбка осталась прежней.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она.

— Я ехал через пустыню, — ответил я. — В одиночку, больше четырёх дней. Почти без сна. А до этого две недели шёл с конвоем.

— Максим, милый, расскажи мне всё, — сказала она. — Как ты меня нашёл? Как добрался?

Мы вышли из мастерской. Кай закрыла дверь и взяла меня за руку. Мы пошли по коридору, и я начал рассказывать.

— Я купил багги на Сирокко-3. Старый добытчик продавал. Старый друг помог — Гунн. Машина была не в самом лучшем состоянии, но я её полностью перебрал. Поставил новые фильтры, усилитель пылесоса, систему охлаждения. Потом путешествовал с караваном — чинил их фуры, настраивал двигатели. А последний отрезок пути проделал в одиночку. На «Весте».

Она посмотрела на меня.

— «Веста»?

— Я назвал её так в честь греческой богини. Богини дома и очага. Я хотел, чтобы у меня был дом. И я хотел, чтобы в этом доме наконец появилась и ты.

Она молчала. Её пальцы сжали мою руку чуть крепче. Потом она сказала:

— Я хочу увидеть её. Ту машину, на которой ты проделал такой путь.

Мы пошли к ангару. Я держал её за руку и чувствовал, как её пальцы переплетаются с моими. Это было странно — идти рядом с ней, чувствовать её присутствие. После стольких месяцев одиночества.

Мы проходили мимо людей в голубых комбинезонах. Они смотрели на нас с лёгким любопытством, но никто не спрашивал. Кто-то кивал Кай, и она кивала в ответ. Один техник — мужчина лет сорока с уставшим лицом и седыми висками — даже остановился, глядя на меня.

— Новенький? — спросил он.

— Свой, — коротко ответила Кай.

Он усмехнулся и пошёл дальше, не задавая лишних вопросов.

Мы дошли до ангара. «Веста» стояла на том же месте, где я её оставил, — грязная, потрёпанная, покрытая слоем пыли и песка. На фоне сияющих машин станции она выглядела как пришелец из другого мира.

Кай подошла к машине, провела рукой по капоту. Потом наклонилась, рассматривая вмятины и царапины.

— Ты действительно ехал на этой красавице? — спросила она.

— Да.

— И как? Она тебя не подвела по дороге? Или порой капризничала, как любая девушка?

— Были кое-какие проблемы. Отверженные помогли.

Она повернулась ко мне.

— Отверженные. Те самые?

— Да. Я расскажу тебе позже.

Она снова посмотрела на машину. Провела пальцем по глубокой царапине на крыле.

— Сколько раз ты мог погибнуть?

— Несколько, — честно ответил я. — Но я не мог остановиться.

Она молчала. Потом шагнула ко мне, обняла, уткнулась лицом в грудь. Я чувствовал, как её дыхание становится ровным. Как она успокаивается.

— Я так боялась, что ты не найдёшь меня, — прошептала она.

— Я обещал, что приду.

— Я знаю. Я верила. Но я всё равно боялась.

Мы стояли так в тишине, и я смотрел на «Весту», на своё отражение в её грязном стекле. Я был рядом с Кай. И она наконец дождалась. Всё остальное сейчас просто не имело значения.

Вечером мы сидели в её комнате. Она была маленькой, но уютной и практично обставленной. Две кровати: одна заправлена, на второй лежали вещи подруги. На одной стене висели рекламные брошюры, графики смен и предстоящих работ. На другой — пара плакатов с героями каких-то старых фильмов, которых я никогда не видел. На столе осталась стоять её термокружка, лежала книга и несколько наборов инструментов.

Кай нажала кнопку на дисплее у входа, и свет погас, оставив только розоватый, тусклый свет от длинной панели, опоясывающей всю комнату поверху. Я сидел на краю кровати, она — рядом со мной. Мы говорили о пустяках — о том, как она устроилась на новой станции, о её бригаде, о том, что она больше не спит одна, потому что у неё есть соседка по комнате.

— Клэр, — сказала она. — Она хорошая. Весёлая. Иногда слишком болтливая, но я привыкла.

— Ты рассказывала ей обо мне?

Она улыбнулась.

— Много. Она думала, что я выдумываю тебя. Что такого человека не существует.

— И что теперь?

— Теперь она будет тебя доставать вопросами. Предупреждаю.

Я усмехнулся. Она положила голову мне на плечо. Я чувствовал, как её дыхание становится ровным.

— Я так скучала по тебе, — сказала она тихо.

— Я тоже. — Я провёл рукой по её спине, чувствуя, как она напряжена. — Каждый день.

— Ты не переставал искать?

— Никогда. Даже когда думал, что умру в пустыне, я думал о тебе.

Она подняла голову и посмотрела на меня. В её глазах блестели слёзы, но она улыбалась.

— Я тоже, Максим. Я так боялась, что не дождусь. Что ты не сможешь меня найти.

— Каечка, я был готов искать тебя целую вечность.

Она наклонилась ко мне и поцеловала меня. Легко, почти невесомо. Я чувствовал, как она дрожит. Потом она отстранилась.

— Я хочу, чтобы ты остался здесь, — сказала она. — Хотя бы на эту ночь.

— А твоя соседка?

— Я договорилась. Она переночует в соседней комнате. Там пока живёт одна девушка, а вторая кровать свободна, никого не подселили. — Она улыбнулась. — Так что мы одни.

Она сняла кепку, распустила волосы. Они спадали на плечи тёмными прядями. Я заметил, как она изменилась — в её лице появилась зрелость, в глазах — спокойная уверенность, которой не было раньше. Её тело изменилось за эти месяцы — плечи стали шире, спина прямее. Тяжёлая работа сделала её формы более подтянутыми, точёными.

Я взял её за руку и притянул к себе.

— Я люблю тебя, — сказал я.

Она ничего не ответила. Она просто прижалась ко мне, и мы остались в тишине, нарушаемой лишь нашими вздохами.

Спустя полчаса Кай лежала рядом, прижимаясь ко мне. Её кожа была тёплой, чуть влажной после того, как мы замерли и комната вновь погрузилась в тишину. Я чувствовал,

как всё спокойнее и медленнее бьётся её сердце. В комнате было полутемно — только розоватый свет от панели падал на смятую простыню, на подушки, которые сбились в изголовье, на её плечи, открытые свету.

Я провёл рукой по её спине. Кожа была гладкой, но не такой, как раньше — более тёплой, более живой. Под пальцами чувствовал лёгкие шрамы — тонкие, почти невидимые линии, оставленные работой. Она стала сильнее. Её плечи стали шире, спина прямее, мышцы под кожей — более плотными, будто она привыкла носить тяжести, таскать инструменты, работать руками. Её тело изменилось, и я чувствовал это каждой клеткой.

Она вздохнула, когда мои пальцы скользнули ниже, по пояснице, к ягодицам. Ямочки, которые я помнил, стали глубже — тяжёлая работа сделала их более чёткими. Я провёл по ним пальцем, чувствуя, как её дыхание становится чуть глубже.

Она лежала неподвижно, но я знал — она чувствует каждое моё прикосновение. Она не говорила ни слова, не двигалась. Она просто была здесь, рядом, в моих руках.

Я посмотрел на её спину, на изгиб, который спускался к бёдрам. В полумраке её тело казалось мягким, но я понимал — оно сильное. Затем провёл рукой по бедру Кай, чувствуя, как её мышцы напрягаются под пальцами, отвечая моим прикосновениям.

Простыня была смята, сбита в складки, и в этом беспо-

рядке была своя красота — красота нашей близости. Красота того, что мы снова вместе.

Вскоре Кай повернула голову и посмотрела на меня. Её глаза блестели в тусклом свете. Она игриво улыбнулась, будто заигрывая со мной — не словами, а только взглядом.

Я наклонился и поцеловал её в плечо. Она закрыла глаза. Я чувствовал, как её дыхание становится ровным, как она расслабляется, как её тело тает в моих руках.

— Я люблю тебя, Каечка, — прошептал я.

Она ничего не ответила. Только прижалась плотнее ко мне, и мы остались лежать в тишине, слушая, как за стеной работает станция.

Я не знал, сколько мы так лежали. Минуты, часы. Сейчас я просто был не в состоянии трезво оценивать время. Даже не разговаривали, просто лежали, не в силах поверить, что нам наконец удалось найти друг друга.

Потом Кай уснула, смешно сложив свои ладошки вместе. Я не выпускал её из своих объятий, хоть на узкой кровати вдвоём места маловато. Вдыхал запах её волос — смесь шампуня и ещё чего-то, будто терпкий аромат её новой, непростой судьбы. Я боялся закрыть глаза — вдруг это сон. Но она была настоящей. Я чувствовал её тепло. И совсем скоро я тоже не смог сопротивляться навалившейся усталости и провалился в спокойный, счастливый сон.

Утро началось с того, что я открыл глаза и увидел её лицо. Она лежала рядом, обняв меня, и смотрела на меня с улыб-

кой.

— Ты всё ещё здесь, — сказала она.

— Я никуда не уходил.

Она провела рукой по моей груди, чувствуя, как бьётся моё сердце. Я гладил её по спине, чувствуя под пальцами кожу, которая стала другой — более смуглой.

— Ты изменилась, — сказал я.

— Ты тоже.

— Я не про внешность. Ты стала сильнее.

Она улыбнулась.

— Я больше не та, кого ты оставил на Земле.

— Я знаю это. Я вижу.

Она провела пальцем по моей щеке, остановилась на тонком шраме, который я получил в драке с Гюрзой. Её глаза дрогнули.

— У тебя появились новые шрамы, — сказала она тихо.

— Не только снаружи, — ответил я.

Она ничего не сказала. Просто прижалась ко мне ещё крепче.

Мы в обнимку лежали в тишине, она устроилась у меня на плече, положив свою руку мне на грудь. Потом я сказал:

— Кай, расскажи мне всё, что случилось с тобой за всё время. Как ты оказалась здесь. Как смогла пережить разлуку. Всё.

Она вздохнула, перевернулась на спину и посмотрела в потолок.

— На Сирокко-5 я работала техником. Как и здесь. Чинила оборудование, настраивала системы. Всё было как обычно. Но я видела, как там живут люди. Как тяжело они работают. Как умирают.

— И ты начала что-то делать?

— Да. Я начала говорить. Сначала с теми, кому доверяла. Потом с теми, кого видела каждый день. Я не организовывала протестов — я просто говорила правду. Объясняла, кто на самом деле виноват в их бедах.

— И что потом? Тебя слушали?

— Некоторые прислушивались. Потом я узнала, что на станции существует подполье. Начала работать с ними. Но это продлилось недолго.

— Почему?

— Меня видели с активистами. Администрация не знала, кто именно был организатором, но решили показательно наказать меня. Перевели на Сирокко-6. Я потеряла связь с теми людьми. Но я решила продолжить то, что начала на той станции.

— И ты продолжила говорить с людьми здесь?

— Пыталась, если честно. Здесь сложнее. Учёным не нужна правда. У них есть контракты, деньги, возможность улететь. Они не хотят рисковать. Но есть люди, которые думают иначе. Я нашла их. Не много. Двое. Но они есть.

Кай встала, подошла к стене, нажала на угол панели. Та бесшумно отошла в сторону, открывая небольшую нишу. Там

лежали какие-то схемы, распечатки.

— Я тут потихоньку собираю, — сказала она. — Информация о контрактах, о перемещениях грузов. Пока это всё, что я могу. Но это поможет нам, когда мы начнём.

Я смотрел на её тайник, и внутри что-то дрогнуло. Она не просто говорила. Она пыталась что-то делать.

Она замолчала. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то меняется. Она не была той девушкой, которую я оставил. Она была сильнее. И я не знал, как мне реагировать.

— Я хочу, чтобы мы уехали, — сказал я наконец.

Она повернулась ко мне.

— Куда?

— На Сирокко-3. Там есть работа. Друзья, связи. Я смогу нормально зарабатывать. А ты сможешь работать техником, как и тут. У нас техники нужны, и отношение к ним соответствующее. Плюс уже есть артель, как некий зачаток профсоюза, а также люди, которые нам помогут. Гунн, Вовка, другие.

Она молчала. Я видел, как она думает. Потом она сказала тихо:

— Я не хочу бросать своё дело. Ты должен это понять, Максим. Это не безопасное, но правильное дело.

— Кай, я ведь не предлагаю тебе бросать. Я предлагаю тебе продолжить своё дело, но начать кидать зёрна в более благодатную почву, чем здесь. А ещё работать в относительной безопасности.

— А если я не хочу быть в безопасности? Если я хочу продолжать то, что начала?

Я смотрел на неё и не знал, что ответить.

— Я не могу просто уехать, Максим, — продолжила она. — Не могу бросить людей, которые поверили мне.

— А я не могу тебя потерять! — вырвалось у меня. — Я искал тебя через всю пустыню. Я чуть не умер. И теперь ты говоришь мне, что не можешь уехать?

Она посмотрела на меня. Я видел, как она сдерживается.

— Я не прошу тебя ждать, — сказала она тихо. — Я просто прошу понять меня.

Я глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

— Прости, я понимаю. Но ты ведь можешь начать заново на Сирокко-3. Я помогу тебе.

— Это не то же самое. Там я буду начинать с нуля. А здесь я уже кое-что построила.

Она взяла мою руку.

— Я люблю тебя, Максим. Но я не могу быть просто твоей спутницей жизни. Я должна делать то, что считаю важным. Иначе какой смысл в этом?

Через час Кай отлучилась на несколько минут, а чуть позже вернулась и принесла нам завтрак. Я не знал, чего ожидать, но она вернулась с большим подносом, заставленным разнообразными блюдами. Два термоактивных контейнера с овсяной кашей, гренки, яичница с беконом, два больших стакана кофе со сливками. Выпечка — пирожки и булочки.

И два здоровенных треугольника черничного чизкейка.

— Техников, конечно, кормят попроще, чем самих учёных, — сказала она, ставя поднос на стол. — Но не слишком. Шведский стол не для нас, но на кормёжку никто из моей бригады не жалуется.

Я смотрел на еду и не мог поверить. Настоящая еда. Горячая, свежая, пахнущая маслом и кофе. Вкусы, которые я почти забыл за свои первые два месяца на Сирокко. Я взял кружку кофе, отпил. Жидкость была горячей, терпкой, с ноткой сливок. Я закрыл глаза на мгновение, чувствуя, как это простое удовольствие наполняет меня.

— Тебе нравится? — спросила она.

— Я уже забыл, что кофе с молоком может быть таким вкусным. Последний раз пил чёрный в караване.

Она улыбнулась, села рядом, и мы начали завтракать. Ели медленно, наслаждаясь каждым кусочком, говорили о пустяках. Она рассказывала о своей бригаде, о том, как она устроилась на новой станции. Я слушал, смотрел на неё, на еду, на этот странный, невозможный мир, где у нас был горячий завтрак и черничный чизкейк.

Мы доедали, когда в дверь постучали. Коротко, весело. Кай встала, открыла. На пороге стояла молодая девушка в голубом комбинезоне, чуть растрёпанная, с небольшой сумочкой в руках.

— Кай, я своё полотенце забыла! Ты не видела? А я уже уходить собиралась, Кристи ждёт.

Она заглянула в комнату, увидела меня и замерла на мгновение. Потом её лицо расплылось в широкой улыбке, она хлопнула в ладоши.

— Ой! А кто это у тебя?!

Кай улыбнулась — смущённо, но счастливо.

— Клэр, это Максим. Тот самый. Кого я ждала.

Клэр ахнула, всплеснула руками, подошла к столу и села без приглашения.

— Тот самый, про которого ты мне рассказывала! Максим! Ну наконец-то! Кай столько о тебе говорила, я уже думала, ты миф!

Она смотрела на меня с искренним интересом, и я чувствовал, что это не притворство. Она была настоящей.

— Приятно познакомиться, — сказал я. — Я тоже много о тебе слышал.

— Ой, неужели? Кай, ты обо мне рассказывала? Ну ты даёшь! А он правда так долго тебя искал? Ты рассказывала, что вы с самой Земли не виделись, но я всё равно не верила, что такое бывает в жизни!

Я коротко рассказал ей о том, как добирался — о бурях, о каньонах, о том, как едва не погиб. Клэр слушала, широко раскрыв глаза, всплёскивала руками, сострадательно качала головой.

— Боже, какой ужас! А ты не боялся, когда буря началась? А если бы ты не выбрался? А Кай бы осталась тут одна!

Она повернулась к Кай.

— Ну у тебя и мужчина, Каюсик! Ничто его не остановило! Такого я ещё не видела!

Она болтала ещё пару минут, потом вдруг подпрыгнула, схватила полотенце, которое забыла на спинке стула.

— Ой, я же за полотенцем! А то Кристи ждёт, мы уже договорились. Слушай, Кай, я сегодня тоже у Кристи переночую. Не буду вам мешать. Каюсик, вы оставайтесь вдвоём, наслаждайтесь обществом друг друга!

Она подмигнула Кай, улыбнулась мне, вылетела за дверь и закрыла её за собой.

Мы доели завтрак. Я пил кофе, смотрел на Кай и думал о том, что случилось за эти месяцы.

— Я не хочу спорить с тобой в первый же день, — сказал я. — Мы оба устали. Давай просто побудем вместе. Остальное — потом.

Она кивнула и положила голову мне на плечо.

— Я так скучала по тебе, — сказала она.

— Я тоже, — ответил я. — Я так боялся, что не найду тебя.

— Ты нашёл. Теперь мы вместе.

Вечером того же дня мы сидели в её комнате. Я смотрел на экран информационной и мультимедийной панели, где была включена внешняя камера станции. На экране виднелось красное небо Сирокко и бесконечные пески с редкими скалами. Вид открывался с высоты станции — пустыня казалась бесконечной, безжизненной, но в этом была своя красота.

Мы смотрели на пустыню и молчали.

— Максим, — вдруг тихонько позвала она.

— Что, любимая? — спросил я, приподнимаясь на локте.

— Я хочу показать тебе кое-что завтра, — сказала Кай. — Вернее, есть люди, с которыми я хотела бы тебя познакомить.

— Кто они?

— Мои коллеги. Которые тоже думают, что система должна измениться.

Я молчал. И внутри меня колыхалось понимание, что Кай просто так не отступится. И я не мог просить её отказаться от того, что она начала.

— Я встречусь с ними, не проблема, — сказал я. — Но я всё равно хочу, чтобы мы уехали.

— Мы обсудим это позже, — сказала она и прижалась ко мне.

Я обнял её и смотрел на экран, где красное небо Сирокко простиралось до горизонта.

Глава 3: Тень Гюрзы

Я проснулся от шагов в коридоре. Тонкие стены — даже на современной станции строители не хотят делать их толще. Кто-то прошёл мимо, звякнул ключами, кашлянул. За стеной загудел смыв — соседка проснулась. Я лежал неподвижно, прислушиваясь к звукам Сирокко-6, и думал о том, как странно устроен мир: я провёл недели в пустыне, спал в машине, под открытым небом, в мобильном жилом блоке Джека, где ветер выл так, что стены, казалось, сейчас сложатся. А теперь лежу в постели женщины, которую люблю, и меня будят соседи, идущие на смену.

Кай спала у меня на плече, поджав коленки. Она сопела — тихо, почти беззвучно, — и я смотрел на неё, не решаясь пошевелиться. Её волосы — длинные, тёмные — разметались по подушке, и я видел, как при слабом свете, просачивающемся из-за пластика световой панели, поблёскивают отдельные пряди. Она была прекрасна в этом утреннем полумраке. Беззащитная. Моя.

Я вспомнил, как впервые увидел её на Земле. Она тогда стояла рядом с Бородой, что-то делала, хмурилась, и я подумал: «Эта женщина слишком серьёзна для такой работы». Потом она улыбнулась мне — и я понял, что ошибался. Она была серьёзной, да. Но в ней было столько жизни, столько огня, что я не мог отвести взгляд. С тех пор я искал её по-

всюду. И нашёл.

Металлический бортик кровати больно впивался в рёбра. Я терпел. Не хотел тревожить её крепкий утренний сон. Она спала так мирно, так доверчиво, что я боялся даже глубоко дышать. Но бортик становился невыносимым — тонкая полоска металла, обтянутая дешёвым пластиком, врезалась под рёбра с каждой секундой всё глубже. Я чуть сдвинулся. Кай заворочалась, пробормотала что-то неразборчивое, но не проснулась.

Я смотрел на неё и думал о том, сколько всего случилось. Караван. Гюрза. Гунн. Вовка. Пустыня. Моя машина, которую засыпало песком во время бури на полпути к Сирокко-6. Я мог умереть там, мог остаться навсегда под этим проклятым солнцем. Мог погибнуть ещё раньше, когда впервые попал в бурю и думал, что это конец. Но я не умер. Я добрался. Я нашёл её. И теперь она спала у меня на плече, я чувствовал тепло её тела, и мне казалось, что весь этот путь — через пустыню, через страх, через смерть — стоил того, чтобы оказаться здесь, в этой тесной комнате на Сирокко-6, слушая её дыхание.

Потом мультимедийная панель на стене засветилась — мягкий, постепенно нарастающий свет, похожий на рассвет. И заиграла музыка. Лёгкая мелодия, смешанная с лесными звуками — пением птиц, шелестом листьев, журчанием воды. Я вздрогнул от неожиданности. На Сирокко услышать такое было почти нереально — как будто кто-то пытался со-

здать для тебя иллюзию леса. Или океана. Того, чего здесь не было и никогда не будет.

Кай вздрогнула во сне, потом завозилась, нахмурилась, словно кто-то мешал ей досмотреть сон, и через несколько секунд открыла глаза. Посмотрела на меня. Сонная, растрёпанная, с красными глазами — и улыбнулась.

Я видел эту улыбку каждый день на Земле, но здесь, в этом утреннем полумраке, она была другой. Более тёплой. Более настоящей.

— Я до сих пор не могу поверить, что ты здесь, — сказала она.

Её голос был хриплым со сна, низким, и от этого слова прозвучали как-то особенно интимно. Она обняла меня, прижалась, поцеловала в шею — туда, где бился пульс. Я почувствовал, как её дыхание щекочет кожу.

— Я здесь, — ответил я, улыбнувшись. — Как видишь, не испарился, как утренний туман.

Она хмыкнула, и я почувствовал, как её губы растянулись в улыбку у моей шеи.

— А что это за мелодия? — спросил я, кивая на стену, где информационная панель всё ещё играла лесные звуки.

Она лениво приподняла голову, взглянула на панель одним глазом, потом снова уткнулась носом мне в плечо.

— Не обращай внимания. Это мой будильник. Мне сегодня на смену.

Она сказала это и зарылась в одеяло ещё сильнее. Я усмех-

нулся. Там, дома, она вскакивала по первому сигналу коммуникатора, даже если спала всего три часа. Здесь она стала другой — более расслабленной, более домашней. Или это я на неё так действовал? Мне хотелось верить, что именно я.

— Ты же сказала, что у тебя смена, — напомнил я.

Она не ответила. Только прижалась ко мне крепче.

— Я слышала, — пробормотала она в мою ключицу.

— И?

— И я ещё посплю пять минут.

Я посмотрел на часы, встроенные в стену над панелью. Там горели цифры: 08:14.

— Ты уже говорила это пятнадцать минут назад.

Кай хмыкнула.

— Я передумала. Пять минут — это как пятнадцать. Время относительно.

— Ты цитируешь Эйнштейна в восемь утра?

— Я цитирую себя. Это моё новое правило.

Она задрала голову и посмотрела на меня — наглая, сонная, счастливая. Я поцеловал её в лоб, и она закрыла глаза, удовлетворённая.

Мы лежали так ещё некоторое время. Я слушал, как за стеной кто-то включил воду — соседка мылась, — как где-то далеко, в коридоре, хлопнула дверь, как загудел вентиляционный люк над головой. Обычные звуки станции. Я привык к ним за те несколько дней, что был здесь, но всё равно каждый раз ловил себя на мысли, что это не мой дом. Мой дом

— пустыня. Моя кабина, моя машина, моя станция под номером три. Здесь я был гостем. Чужим. Но рядом с Кай я начинал чувствовать себя как дома. Она была моим домом на этой планете. Единственным местом, где я мог быть собой.

Через полчаса она всё-таки встала — нехотя, зевая и потягиваясь — пошла в душ. Я смотрел, как она идёт по комнате, как её босые ноги ступают по холодному полу, как она снимает футболку, не стесняясь меня. И думал о том, что никогда не устану смотреть на неё.

Поплескавшись, она вышла из душа, замотанная в полотенце, и кивнула на дверь:

— Иди. Там горячая вода, но долго не стой — техники любят мыться, и через час давление упадёт.

Я встал. Пол был холодным. Я прошёл в душ, включил воду — она была горячей, почти обжигающей, и я стоял под ней, чувствуя, как струи разбиваются о мои плечи, стекают по спине. Я закрыл глаза и представил, что стою под дождём. Настоящим дождём. На Земле.

Я никогда не смогу забыть родную планету. Кай тоже вчера рассказывала сквозь сон, что не может о ней забыть. О том, какая она была. Несмотря на любые происки корпоративных деятелей, планета оставалась сильнее. Я вспоминал её зелёные леса и голубые океаны. О том, как пахнет воздух после дождя. О том, как солнце садится за горизонт, окрашивая небо в розовый и оранжевый. Я видел всё это много раз, но никто из нас тогда не ценил того, что видел. И те-

перь иногда, стоя под горячими струями воды на какой-нибудь станции, я закрывал глаза и пытался почувствовать этот дождь. Пытался представить, что мы с Кай стоим под ним, смеёмся, мокрые, счастливые.

Но открывая глаза, я видел только металлические стены и пластиковые шторы. И понимал, что дождь здесь невозможен.

Я выключил воду, вытерся, оделся и вышел. Кай уже была одета — в рабочую форму техника, светло-синий комбинезон с нашивками на рукаве. Она стояла перед зеркалом и заплетала волосы в объёмную косу.

— Кай, почему ты отрастила волосы? — спросил я.

— На Сирокко-5 не любят коротко стриженых женщин. Там так ходят только трансгендеры и прочие неформалы. Пришлось соответствовать. Чтобы люди к тебе нормально относились, лучше уважать их взгляды и традиции, — ответила она, нащупывая пальцами резинку для волос, лежащую на столике перед зеркалом.

— Понятно. А тут с этим как?

— Тут нормально, можешь хоть лысой ходить. Но раз уж отрастила, жалко теперь стричь.

— Каечка, ты мне так даже больше нравишься, если честно. Да и волосы у тебя роскошные, — уверенно сказал я.

— Спасибо за комплимент. Ты идёшь завтракать? — спросила она, не оборачиваясь.

Я видел её отражение — она улыбалась.

— А ты?

— Я на смену, но я не могу отпустить тебя голодным. Жди здесь.

Она вышла, и я остался в комнате один. Осмотрелся. Маленькая, тесная — но в ней было её тепло. Её вещи: книги на полке, какие-то инструменты на столе, фотография — она с коллегами, смеющиеся, на фоне технического отсека. Я взял рамку в руки и посмотрел на её лицо — счастливое, живое, настоящее.

Затем поставил рамку на место.

Через десять минут она вернулась. С подносом.

На подносе было всё. Я даже не сразу понял, как она смогла столько всего принести на этой небольшой круглой подставке. Два контейнера с творожной запеканкой — золотистые, с корочкой, которую я любил. Тарелка с тонкими блинчиками, политыми чем-то сладким — я не знал, что это за сироп, но он пах мёдом или чем-то похожим. Свежие фрукты — нарезанные ровными дольками, аккуратно разложенные на тарелке. Два стакана чая — горячего, с каким-то цветочным ароматом. И большой кусок яблочного пирога с хрустящей корочкой.

— Ты решила накормить меня на неделю вперёд? — спросил я, садясь на кровать.

— Это не только тебе, — улыбнулась она. — Это нам. Я тоже хочу поесть перед сменой.

Мы сели рядом на кровати. Поднос стоял на коленях у

Кай, и мы ели, передавая друг другу контейнеры и тарелки. Она рассказывала о своей работе — о том, как они чинили систему охлаждения на третьем уровне, про то, какой дурак у неё начальник технического отдела, о том, что один из её коллег недавно опять устроил пожар в техническом отсеке, но на этот раз маленький.

Я слушал её, улыбался, кивал. Ел запеканку — она была почти такой же, как та, что я ел во время своего путешествия с караваном. Почти. На Шестой она была чуть слаще, чуть нежнее. Или мне просто казалось, потому что я был счастлив.

Мы говорили о пустяках. О том, как я спал, о том, как она скучала по мне, о том, какие поломки системы охлаждения бывают. Иногда в коридорах станции становится некомфортно — температура держится стабильно, но случаются перепады, и тогда все ходят в куртках, даже в жилых блоках. Я смеялся. Она улыбалась мне в ответ.

Потом она посмотрела на меня серьёзно, и я понял, что сейчас будет разговор. Я чувствовал это — напряжение в её плечах, то, как она сжала вилку чуть крепче, то, как её глаза стали более тёплыми, но более решительными.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, — начала она. — Я больше не хочу смущать Клэр.

Я нахмурился.

— Что значит «смущать Клэр»?

— Она уже вторые сутки вынуждена жить с Кристи, пока

ты ночуешь здесь. Клэр — моя соседка и подруга. Она хороший человек, но у неё тоже есть своя жизнь, и она не должна страдать из-за того, что я привела гостя. Поэтому, Максим, когда я уйду на смену, сходи на пункт регистрации и попроси себе гостевую комнату на несколько дней.

Я посмотрел на неё. Она говорила это так, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном. Но я знал, что для неё это непросто — просить меня уйти. Даже в гостевую комнату. Я видел, как ей трудно говорить об этом.

— Мне дадут? — спросил я. — Я же не учёный и даже не числюсь у вас рабочим.

Она кивнула:

— Дадут. Я когда приехала, сама первые три дня жила в гостевой комнате, пока мне не выделили место в жилом блоке. Это стандартная процедура для всех новичков. Там эта услуга стоит каких-то денег, но я тебе переведу. У тебя к айди номер счёта привязан?

Я кивнул.

— Привязан. Но я могу заплатить сам. У меня есть немного кредитов. Те, что остались после Сирокко-3, остальное я потратил на машину.

Она покачала головой и улыбнулась той лукавой улыбкой, которую я любил.

— Я знаю. Но я хочу сделать это для тебя. Ты проделал такой путь… позволь мне хотя бы оплатить тебе комнату.

Она опустила взгляд, потом снова подняла на меня глаза,

и в них было столько тепла, что я не мог отказать.

— Тем более, — добавила она, и в голосе зазвучали игривые нотки, — в гостевых комнатах большущая кровать… а вечером, после смены, мы пойдём к тебе.

Я усмехнулся. Это было так похоже на неё — смешивать серьёзное с игривым, чтобы я не чувствовал себя виноватым.

— Я тебя понял, — сказал я. — А насчёт оплаты — ты уверена?

— Уверена, — твёрдо ответила она. — Давай свой документ, я сразу сделаю перевод.

Я достал свой идентификационный чип — небольшой пластиковый прямоугольник, который носил с собой всегда. Протянул ей. Она взяла его, подошла к информационной панели на стене, провела им по считывателю.

Панель засветилась, на экране появилось моё имя, мой идентификационный номер, моя скудная информация. Кай отключила мелодию будильника, которая всё ещё играла, и натыкала на сенсорном дисплее свой счёт.

Я увидел внушительную сумму на экране. Она действительно заработала здесь немало. Техников на станциях всегда ценили — без них жизнь замирала, системы отказывали, люди оставались без воздуха, без тепла или воды. Она была хорошим специалистом, я знал это. На Сирокко-5 она сделала столько, что её помнили до сих пор.

Она вбила в поле перевода мой идентификационный номер и сделала перевод. Я знал — сумма была больше, чем

стоила комната на неделю. Она добавила лишнее. Наверное, на еду. Или на то, чтобы у меня были деньги на случай, если что-то пойдёт не так.

— Как видишь, я успела немало скопить за время работы, — сказала она, будто оправдываясь. — Да и у техников зарплаты неплохие. И потом, если у тебя будет своя комната, мы сможем встречаться, не беспокоя моих подруг и не вызывая их лишних пересудов.

— Ладно, — сказал я. — Уговорила.

Я подошёл к ней, обнял. Она прижалась ко мне, уткнулась носом мне в грудь, и я чувствовал, как сильно билось её сердце. Она боялась, что я откажусь. Что я скажу, что могу сам, что она не должна. Но я принял её помощь, и она была счастлива.

Я поцеловал её в макушку, вдыхая запах её волос — что-то цветочное, свежее. Она подняла голову, поцеловала меня в губы — быстро, но страстно — и отстранилась.

— Мне пора, — сказала она. — Смена начинается через полчаса. Ты иди в регистрацию, возьми комнату. Я знаю, ты не любишь просить, но ничего страшного в этом нет.

Я кивнул. Она собралась, взяла свой контейнер с инструментами, связку ключей и чипов пристегнула на пояс. Натянула рабочую куртку, на голову водрузила голубую кепку, пропустив в отверстие позади свою объёмную косу. И уже у двери обернулась.

— Я тебя люблю, Максим.

— Я тоже тебя люблю, Кай.

Она улыбнулась и вышла.

Я стоял посреди комнаты, чувствуя, как тепло разливается по груди. Она сказала о своих чувствах так проникновенно. За всё время, что мы были вместе, она никогда не говорила этих слов именно так. Раньше, на Земле, мы оба знали, что чувствуем, но не спешили рассуждать об этих волнующих материях вслух. А здесь она сказала. И я ответил.

Я постоял ещё немного, потом взял свой чип, вышел в коридор и направился к пункту регистрации.

Коридоры верхнего уровня Сирокко-6 были светлыми и чистыми. На станции вообще было чисто — никакой пыли, никакой грязи, только металл и пластик, в воздухе лёгкий запах дезинфекции и назойливый аромат цветов. Я шёл по коридору, и мои ботинки гулко отбивали шаги. Мимо проходили люди в белых халатах — учёные, наверное, — и техники в голубых комбинезонах, таких же, как у Кай. На меня никто не обращал внимания, хотя я всё ещё был одет в трико с логотипом «Гелиоса» на груди. Я был здесь чужим, но большинству встречных мой необычный внешний вид был неинтересен.

Пункт регистрации я нашёл на втором уровне — небольшая стойка, за которой сидела женщина лет сорока, с усталым лицом и автоматической улыбкой. Я подошёл.

— Здравствуйте, я хотел бы оформить гостевую комнату на несколько дней, — сказал я, подавая чип.

Она взяла чип, провела по считывателю, и я увидел, как на её экране появилась моя информация. Она нахмурилась, что-то прочитала, потом улыбнулась уже более живой улыбкой.

— А, так вы тот самый, — сказала она.

— Тот самый?

— Кай сказала мне, что вы придёте. Она очень просила дать вам комнату с хорошим видом.

Она кивнула на стену, где был закреплён список свободных комнат.

— У нас есть несколько вариантов. Двести двенадцатая — небольшая, но светлая. Триста двенадцатая — больше, но окна выходят на технический отсек. Двести четырнадцатая — на солнечную сторону.

— Двести четырнадцатая, — сказал я.

— Хороший выбор. — Она что-то нажала на клавиатуре, и мой чип пискнул. — Комната ваша до конца недели. Вот ключ. Оплата списывается автоматически с вашего счёта, в двенадцать часов по полудни.

Я взял ключ, поблагодарил и уже хотел уйти, но женщина остановила меня.

— Постойте, — сказала она, понизив голос. — Вы ведь Максим? Тот самый, с Третьей?

Я насторожился.

— Да. А что?

Она оглянулась по сторонам, потом наклонилась ближе.

— Я слышала, вас кто-то искал. Человек, который связан с другим добытчиком с Сирокко-3 по имени Гюрза.

Моё сердце ёкнуло. Я сжал ключ в руке.

— Откуда вы знаете?

— Слухи, — пожала она плечами, но в глазах мелькнула искорка — что-то живое, тёплое. — На станциях всегда есть слухи. Особенно когда люди вроде вас появляются — чужаки, из пустыни. Говорят, спрашивали о вас.

— Что? — спросил я, чувствуя, как внутри нарастает холод.

— У таких мерзавцев, везде могут быть свои люди. Их часто засылают на разные станции, чтобы собирать информацию. Будьте осторожны, Максим. Ваше имя уже знают.

Я смотрел на неё. Она не врала. Я чувствовал это.

— Спасибо, — сказал я. — Я запомню.

— Берегите Кай, — сказала она вдруг, и в голосе появилась материнская твёрдость. — Она хорошая девушка. Мы все здесь её любим. Не дайте ей пропасть.

Я кивнул и вышел.

Идя по коридору, я думал о том, что сказала женщина. Гюрза опять проявился. Не физически, но его тень — она проникает даже на Шестую. Он не остановится. Он будет искать. И если мы не уедем — он найдёт нас. Рано или поздно.

Я открыл дверь комнаты. Двести четырнадцатая. Второй уровень, жилой сектор, недалеко от квартиры Кай. Комната была небольшой, но светлой. Вместо пластиковых вста-

вок здесь была прозрачная панель, выходящая на внешнюю сторону станции. Я подошёл к ней и посмотрел вниз. Подо мной простиралась пустыня — бесконечная, жёлтая, ровная, насколько хватало глаз. Местное светило только начинало подниматься над горизонтом, окрашивая песок в золотисто-оранжевые оттенки. Я смотрел на пустыню, потом взглянул на запад, где за десятками тысяч километров стояла моя станция, и почувствовал странную тоску. Это был мой дом, но я не хотел возвращаться туда без Кай.

Комната была чистой и аккуратной. Большая кровать — действительно, в два раза шире той, что была у Кай в её комнате. Чистое бельё, подушки, одеяло. Большой стол, светлая мебель, огромная мультимедийная панель на стене, рядом небольшая полка. И тишина.

Я сел на кровать и огляделся. Моя комната. На несколько дней. Но я знал, что надолго в ней не задержусь — нам нужно уехать, у нас нет выбора.

Я смотрел на кровать и думал о том, что вечером снова увижу Кай. Что мы будем лежать здесь, в этой большой кровати, обниматься, говорить о пустяках, смеяться. Что она прижмётся ко мне, и я буду чувствовать её дыхание на своей коже. Я улыбнулся этой мысли и лёг на кровать, глядя в потолок. Но улыбка погасла, когда я вспомнил слова регистраторши. Тень Гюрзы преследует меня даже здесь.

Через несколько часов я уснул.

Проснулся от стука в дверь. Открыл — Кай стояла на по-

роге, уставшая после смены, но улыбающаяся.

— Я по тебе скучала, — сказала она, обнимая меня.

Я прижал её к себе, чувствуя, как пахнет её комбинезон — машинным маслом, металлом, чем-то химическим. Она проработала восемь часов, но выглядела так, будто только что проснулась — свежая, энергичная.

— Ты как будто и не работала, — сказал я.

— Я привыкла. — Она отстранилась, заглянула мне в глаза. — Ты готов идти?

— Куда?

— Я хочу тебя кое с кем познакомить. С моими друзьями.

Я кивнул и взял её за руку. Мы вышли в коридор, и я закрыл дверь на замок — автоматический, пластиковый, ненадёжный. Но на станциях никто не воровал. Слишком маленькое сообщество, слишком много камер.

Мы шли молча по коридорам. Я держал её за руку, чувствовал, как её пальцы переплетаются с моими. Она иногда сжимала мою ладонь — нежно, коротко, как будто проверяя, что я всё ещё здесь. Что я не исчез.

Мы прошли через жилой блок, потом через общий холл — там было многолюдно, техники и учёные сидели за столами, пили какой-то местный напиток, похожий на чай, разговаривали о чём-то своём. На нас никто не обращал внимания. Мы были обычной парой на станции, таких было много.

Потом она остановилась. Мы стояли в пустом коридоре нижнего уровня — тусклый свет, холодный воздух, запах пе-

регретой электроники. Она повернулась ко мне, и я увидел, что её лицо стало серьёзным.

— Максим, — сказала она. — Я хочу тебя кое-что спросить. Ты вчера сказал, что у тебя были враги на Сирокко-3. Тот, кто пытался тебя убить. Кто это был? Что он сделал?

Я смотрел на неё. Она не боялась спрашивать — она хотела знать. Она хотела знать всё, чтобы быть готовой ко всем неприятностям. Чтобы помочь мне. Я понял это по тому, как она сжала мою руку, как её глаза стали твёрже, решительнее.

Я глубоко вздохнул. Внутри меня закипало то, что я старался не показывать — злость. Старая, въевшаяся в кости злость на человека, который чуть не убил меня. Который пытался уничтожить всё, что я строил. И я позволил этому выйти наружу — но не криком, а холодной, колючей правдой.

— Его зовут Гюрза, — сказал я, и мой голос стал жёстче, чем я планировал. — Фраер. Высшая каста. Король Третьей, мать его.

Кай моргнула от моей резкости, но не отступила.

— Там, — продолжил я, и чувствовал, как внутри закипает что-то тёмное, — он решает, кому жить, а кому навсегда пропасть в песках. У него связи с администрацией, он контролирует цены, держит всех добытчиков на коротком поводке. Я встал у него на пути. Начал работать честно, заключать нормальные договоры. Он этого не стерпел.

Кай слушала. Её лицо оставалось неподвижным, но я видел, как внутри неё что-то менялось.

— Знаешь, что он сделал? — спросил я, и голос мой стал тише, но от этого только злее. — Он заставил приёмщиков занижать цены. Взвинтил цены на топливо. Хотел выжить меня со станции. Я терял деньги, едва сводил концы с концами. Но я держался. А когда понял, что я не сдамся, он подговорил кого-то подрезать маячок на моей машине.

Я замолчал, чувствуя, как внутри нарастает холодная ярость.

— Чтобы я заблудился в пустыне, — сказал я медленно. — Чтобы я умер там. Без воздуха, без воды, без надежды. Один в песках. Он хотел, чтобы я сгнил под этим проклятым солнцем, и никто бы не нашёл мои кости.

Кай сжала мою руку. Я чувствовал, как её пальцы холодеют.

— Ты выжил, — сказала она, ты сильнее Максим.

— Я выжил. — Я усмехнулся, но улыбка была невесёлой. — И я вернусь. Я вернусь на Третью, и я посмотрю ему в глаза. И скажу ему всё, что думаю. Но он не остановится. Он отправил человека на Сирокко-5 — Крука. Того, кого я встретил в караване. Только Крук ушёл от него. Изменился. Он увидел, что у Гюрзы нет будущего — только власть, страх и смерть.

Я посмотрел на Кай. В её глазах я видел страх и надежду. Она верила мне.

— Крук сказал, что встретится с нами, когда мы вернёмся, — продолжил я. — Он поможет. Но Гюрза будет ждать. И

он не простит мне того, что я снова посмел появиться у него под носом.

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как злость понемногу уходит, оставляя место усталости.

— Я боюсь только одного — потерять тебя, — сказал я тихо.

Кай шагнула ближе, положила ладонь на мою щёку.

— Ты не потеряешь меня, Максим. Мы будем бороться. Вместе.

Она поцеловала меня. И я почувствовал её решимость. Она была готова. Идти за мной.

— Идём, — сказала она. — Нас ждут.

Технический отсек на Сирокко-6 был совсем не таким, как на других станциях. На Тройке всё было кустарным, самодельным, собранным из того, что удавалось найти в запасах. Здесь всё было новым, блестящим, дорогим. Серверы в металлических стойках гудели ровным низким гулом, терминалы светились синим светом, пахло озоном и перегретой электроникой. Я посмотрел на ряды оборудования и понял, что это место больше походило на компьютерный центр какой-нибудь корпорации, чем на подполье.

Но это был зачаток подполья. И Кай была его частью.

Марк сидел за терминалом, когда мы вошли. Он был молод — лет двадцать пять, наверное, с рыжими волосами, которые торчали в разные стороны, с веснушками на носу и с широкой, почти детской улыбкой. Он носил очки — на-

стоящие очки, не встроенные в инфопанель, а старомодные, с толстыми линзами. Я удивился — как я уже слышал, на Сирокко-6 никто не носил очки, все делали коррекцию или вживляли импланты. Но Марк, видимо, был консерватором.

Увидев меня, он подскочил на месте, чуть не опрокинув терминал.

— О! — воскликнул он. — Так это ты! Тот самый!

Он подошёл ко мне, протянул руку, и я пожал её. Рука была влажной и дрожащей — он нервничал. Но в глазах было столько восторга, что я невольно улыбнулся.

Глава 4: Союзники

— Извини, я немного нервничаю, — продолжил он после паузы. — Кай столько о тебе рассказывала… Я не думал, что ты такой… ну, настоящий.

— Настоящий? — переспросил я.

— Ну, ты же пересёк пустыню ради неё. Это круто. Как в старых фильмах.

Я усмехнулся. Марк был странным — но в хорошем смысле. Искренним.

— Я слышал, ты умеешь смотреть туда, куда не надо, — сказал я.

Он улыбнулся — широко, гордо.

— Я техник-электронщик. Работаю с серверами станции. У меня есть доступ к данным о перемещении грузов, контрактах, заказах. Могу смотреть, кто что перевозит, куда, когда, сколько платят.

— Марк — наш главный информатор, — добавила Кай.

Она подошла к терминалу, ввела код, и на экране засветились таблицы.

— Я многое знаю о том, что происходит на станции, — продолжил Марк. — Кто с кем встречается, кто что продаёт, кто с кем враждует. Пока эти данные бесполезны, но могут пригодиться, когда начнём выстраивать сеть.

— Почему ты это делаешь? — спросил я. — Рискуешь.

Работаешь против системы. Что движет тобой?

Марк на мгновение смутился, потупил взгляд, а потом посмотрел на меня с той же детской, но уже не такой беззаботной улыбкой.

— Моя мать работала на одной из станций. Не здесь, на Сирокко-2. Она была техником, как я. Она пыталась защитить людей от обмана, от того, чтобы их обдирали как липку. Администрация это не любила. Её уволили. Без выплат. Без права на переезд. Она осталась там одна, без работы, без надежды. Я узнал об этом, когда уже был здесь. Не мог ей помочь. Не мог вернуться. Ей пришлось уйти в добытчицы. Она умерла в пустыне, когда я был ещё подростком. Машина сломалась, воздуха не хватило. Никто не пришёл на помощь — потому что у неё не было друзей.

Он замолчал. В его глазах я увидел старую, застарелую боль. Он улыбнулся, но улыбка была грустной.

— Поэтому я здесь. Чтобы кто-то ещё не потерял того, кого любит. Чтобы не стало ещё одной матери, которая умрёт в пустыне из-за того, что система не даёт ей шанса.

Я смотрел на него и вдруг понял, что мы с ним похожи. Мы оба потеряли родных людей. Мы оба боролись с системой. И не сдавались.

— Я понимаю, — сказал я тихо. — И я не дам тебе умереть в пустыне. Обещаю.

Он улыбнулся мне, и я увидел в этой улыбке надежду.

— Вы, двое… — сказал Марк, глядя на нас с Кай. — Вы

правда с Земли?

Кай улыбнулась.

— Правда. Мы не местные.

— Я никогда не видел океана, — произнёс Марк мечтательно. — Только на картинках. Всё думаю, каково это — стоять на берегу и смотреть на бесконечную воду. Я с эй си 367. Там тоже почти как тут — один песок и камни. Бесконечный песок.

— Иногда я думаю о том же, — тихо сказала Кай.

Я смотрел на них обоих. Марк был открыт, как книга. Он был готов делиться всем, что знал, и всем, что чувствовал. Он мне нравился — в этом бледном лице и быстрых жестах было то, чего не хватало мне.

Дверь технического отсека открылась с шипением.

Она вошла бесшумно. Я увидел её впервые, но сразу понял — передо мной человек, которого нельзя обмануть.

Ирис была высокой, стройной, с аккуратной стрижкой под каре, тёмными волосами и холодными цепкими глазами. Она двигалась бесшумно, как хищник, и в каждом жесте чувствовалась уверенность. На ней был не комбинезон, как у Кай, а тёмная куртка и свободные штаны — одежда, которая не привлекала внимания, но кричала о том, что она не из тех, кто работает на станции. Она была бойцом. Или была им когда-то.

Она вошла, посмотрела на меня с ног до головы, и в глазах не было ни тепла, ни интереса. Только оценка. Расчёт.

— Ты тот, кто рискнул всем ради встречи с Кай? — спросила она.

Голос низкий, ровный, без эмоций. Я кивнул.

— Да.

Она подошла ближе. Я не отступил. Стоял и смотрел ей в глаза — прямо, открыто, без страха.

— Ты знаешь, что она сильно рискует здесь? — спросила Ирис, и в голосе я услышал не угрозу, а предупреждение.

— Знаю. И я буду рядом, чтобы с ней ничего не случилось.

Она смотрела на меня долго. Очень долго. Я не моргал и не отводил взгляда. Мы стояли друг напротив друга, и я чувствовал, как между нами проходит невидимая граница. Она проверяла меня. И мне удалось пройти эту проверку.

Потом она кивнула. Едва заметно. И я понял, что меня приняли.

— Хорошо, — сказала она. — Садись.

Она села за терминал рядом с Марком, и мы все четверо устроились вокруг экрана. Ирис была лидером. Я понял это по тому, как двигалась, говорила, смотрела.

Я сел рядом с Кай, взял её за руку под столом. Она сжала мои пальцы. Мы были вместе.

— На Шестой у нас мало возможностей, — начала Ирис. — Тут люди чувствуют себя неплохо. Да и учёные — народ свободный и своеобразный, им незачем рисковать. Сидят в своих лабораториях, изучают песок и смолу, и даже думать не хотят о том, чтобы изменить систему.

— Но есть информация, — перебил Марк. — Я могу отслеживать грузы, контракты. Могу видеть, кто с кем работает. Это помогает.

Кай кивнула.

— Я хочу построить сеть, — сказала она. — Как на Сирокко-5. Там мы начали что-то менять, объединили добытчиков, дали им надежду, что однажды они получат защиту от эксплуатации. Но здесь это почти невозможно. Все слишком закрыты, слишком независимы.

Она замолчала, смотря на экран. Потом я заметил, как её рука дрогнула. Она сжала пальцы в кулак, разжала, потом сжала снова.

— Я хочу, чтобы никто больше не терял друзей в пустыне, — сказала она вдруг тихо. — Чтобы у матерей была защита. Чтобы у людей был выбор, кроме как умирать в песках или работать за еду.

Она подняла глаза на меня, и я увидел в них старую боль.

— У меня был брат. Я никогда не рассказывала вам о нём. Только Максим знает. Он умер ещё на Земле, когда мне было пятнадцать. Заболел, ждал лекарств несколько недель. И умер, так и не получив их, потому что у нас не было денег на страховку. Я не хочу, чтобы так умирали другие.

В комнате стало тихо. Я смотрел на неё и вспомнил, как она рассказывала мне о брате, о смерти матери, как давно это было. И вдруг понял — вот зачем ей это всё. Не абстрактная сеть. Не идея. А брат и мама, которые умерли из-за системы,

которая не давала им шанса.

— Я понимаю, — сказал я тихо.

Она улыбнулась — грустно, но твёрдо.

Я слушал её, и внутри нарастало то, что я не мог сдерживать дольше.

— Кай, — сказал я, поворачиваясь к ней. — Ты сама говорила — здесь ничего не выйдет. Тебе стоит уехать со мной. На Третью.

Она посмотрела на меня. Глаза расширились.

— На Третью? Максим, ты знаешь, что там...

— Знаю, что там Гюрза. Но там люди каждый день живут под гнётом системы, едят отбросы, горбатятся за копейки. У них нет даже надежды. Там есть почва. Здесь — только камень.

Ирис посмотрела на меня, потом на Кай.

— Кай, — сказала она тихо. — Может, он прав. Может, тебе и правда стоит уехать с ним.

Кай вздрогнула, как от пощёчины. Я почувствовал, как её пальцы сжали мою руку — испуганно, почти больно. Она смотрела на нас — на меня, на Ирис — и в глазах я видел растерянность. Она не была готова к этому разговору.

— Мы не можем сейчас обсуждать это, — сказала она, и голос дрогнул. — Я не готова. Это слишком важно.

— Это и есть самое важное, — тихо сказал я. — Ты говорила, что хочешь изменить систему. Третья — место, где можно начать. Там есть люди, которые ждут. Гунн, артель.

Им нужна ты. Твоя идея. Твоя сеть.

Она смотрела на меня. В глазах — страх не перед Гюрзой. Перед выбором. Бросить всё, что строила здесь. Марка. Ирис. Уехать в неизвестность.

— Я не могу просто взять и уехать, — сказала она, и в голосе слышалась мольба. — Здесь есть люди, которые зависят от меня. Я не могу бросить их.

— Ты не бросаешь их, — сказала вдруг Ирис, и в голосе впервые появилось тепло. — Ты уезжаешь, чтобы стать сильнее. А мы останемся здесь и будем ждать твоего сигнала.

Кай закрыла глаза. Я видел, как она дышит — глубоко, тяжело, будто ей не хватает воздуха. Она была на грани.

— На Третьей есть человек, который будет ждать нас, — сказала она, не открывая глаз. — Его зовут Гюрза. Он пытался убить Максима. Он там на коне, у него власть и связи. Он будет ждать нас, если мы вернёмся.

Марк нахмурился.

— И вы всё равно хотите туда ехать?

Кай открыла глаза. Посмотрела на меня. На Ирис. На Марка.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Я не знаю, что правильно. Часть меня хочет остаться здесь, в безопасности, с вами. Часть — уехать с Максимом и попытаться изменить что-то там. Мне нужно подумать.

Она снова сжала мою руку. Я понял — она не готова. Она была там, где я бывал много раз — между страхом и долгом.

Я не мог торопить её.

— Я понимаю, — сказал я тихо. — Это не простое решение.

Ирис смотрела на карту на экране. Третья станция — зоны, маршруты, опасности. Я смотрел на эту карту и видел будущее. Мы поедем. Мы будем бороться. Мы победим. Но сначала Кай должна была сделать этот выбор сама.

— Мы не будем давить, — сказала Ирис. — Это твоё решение. Но подумай, Кай. Правда подумай. Здесь ты сильна. Но там ты можешь стать чем-то большим.

Кай кивнула. Она не поднимала глаз.

Мы посидели ещё немного в молчании. Марк возился с терминалом, Ирис смотрела на карту, я держал руку Кай и чувствовал, как она дрожит.

Потом она подняла голову. Посмотрела на меня.

— Я не знаю, что я сделаю, — сказала она. — Но я обещаю — я подумаю. Хорошо подумаю.

Я кивнул. Это было честно. Лучше, чем ложное обещание.

Мы вышли в коридор. Пусто, тусклый свет, холодный воздух, запах масла. Шли медленно, держась за руки. Она дрожала.

— Я не хочу уезжать, — сказала она, когда мы остановились у поворота.

— Я знаю.

— Но я не хочу и оставаться, — голос дрогнул. — Я не

хочу предавать их. Но не хочу предавать и себя. Я запуталась, Максим.

Я обнял её. Она уткнулась носом мне в плечо. Я чувствовал, как её плечи вздрагивают.

— Ты не должна принимать решение сейчас, — сказал я тихо. — Ты сказала, что подумаешь. Мы подождём.

Она подняла голову, посмотрела на меня. В глазах слёзы.

— А если я решу остаться?

Я смотрел на неё. Это было самое сложное, что я мог услышать. Но я был готов.

— Тогда я останусь с тобой, — сказал я. — Я не брошу тебя. Мы найдём другой способ.

Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты всегда говоришь правильные вещи.

— Я просто люблю тебя, — сказал я. — И сделаю всё, чтобы ты была счастлива. Даже если это значит — остаться здесь.

Она обняла меня крепче. Я чувствовал, как её дыхание успокаивается, как руки перестают дрожать. Она была в безопасности. Со мной.

Мы шли медленно по коридору, держась за руки. Она молчала, и я не нарушал тишину. Она думала. Взвешивала, выбирала, сомневалась. Я ждал.

Скоро она примет решение. Я буду рядом.

Вернулись в мою гостевую комнату. Кай осталась на ночь со мной. Мы лежали в большой кровати, обнявшись, и я

смотрел на её голые плечи, на узкую ложбинку вдоль позвоночника, которая становилась шире после поясницы, а потом и вовсе терялась в полутьме. Кай уже дремала, а я чувствовал, как её дыхание становится ровным, как она засыпает у меня на плече.

Я лежал и думал о том, что скоро мы уедем. На Сирокко-3. Гюрза будет ждать. Но мы готовы и не перестанем бороться. Мы будем строить. Мы будем побеждать.

Наклонился ниже и поцеловал Кай в макушку, а она улыбнулась во сне так, что ямочки на её щеках стали глубже. Я улыбнулся в ответ и погладил по щеке, ощутив под пальцами её мягкую, шелковистую кожу.

Мы лежали в темноте. Кай уже почти спала — я чувствовал это по тому, как её дыхание замедлилось, как тело расслабилось, прижимаясь ко мне. Я смотрел в потолок и думал о том, что сказала регистраторша. Кто-то спрашивал обо мне. Кто-то, связанный с Гюрзой. Мысль о том, что его тень дотянулась даже сюда, не давала покоя. Я вспомнил, как в первый раз подрезали маячок на моей Весте, как я потерялся в пустыне и чудом выбрался. И понял — если на этой станции есть люди Гюрзы, Веста может быть в опасности.

Принял решение, что завтра обязательно проверю машину.

Утром я проснулся от того, что Кай завозилась у меня на плече. Её волосы щекотали шею, и я открыл глаза. Световая панель на стене уже начала разгораться, имитируя рассвет.

Кай смотрела на меня сонными глазами и улыбалась.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — ответил я, улыбнувшись в ответ.

Мы лежали ещё немного, слушая, как за стеной кто-то ходит, как гудит вентиляция. Потом Кай вздохнула и села на кровати, потянувшись. Её спина изогнулась, и я снова заметил ту самую линию — от шеи до поясницы.

— Нам нужно поговорить, — сказал я, тоже садясь.

Она повернулась ко мне, нахмурившись.

— О чём?

Я помедлил. Не хотел портить утро, но молчать было нельзя.

— Вчера, когда я оформлял комнату, видимо твоя знакомая, женщина, что работает на регистрации, предупредила меня. Она сказала, что кто-то спрашивал обо мне. Кто-то, связанный с Гюрзой.

Кай замерла. Её глаза потемнели.

— Что? Когда?

— Вчера, пока ты была на смене. Она сказала, что моё имя уже знают. Что такие люди, как Гюрза, часто засылают своих на разные станции. Собирают информацию.

Кай молчала. Её лицо стало жёстче, и я видел, как внутри неё что-то меняется — страх смешивался с гневом.

— Это наверное была Кристи, она занимает должность старшего сотрудника регистрационного учёта. Ты должен был мне сразу всё рассказать, — сказала она тихо.

— Я хотел, но когда мы встретились, сразу пошли к Марку... Я не хотел портить вечер. И не стал беспокоить тебя лишними страхами, тебе и так нелегко.

Она смотрела на меня долго, потом улыбнулась и кивнула.

— Спасибо за заботу, Максим, это очень мило с твоей стороны.

— Не за что, родная, не волнуйся насчёт Гюрзы, мне кажется он не сможет сюда дотянуться, разве что опосредованно.

— Мне так не кажется. Скорее всего, он уже здесь. Не физически, но его люди. — Она замолчала, обдумывая что-то. — Тебе нужно проверить Весту. Если кто-то спрашивал о тебе, они могли попытаться повредить машину.

— Я думал о том же, — сказал я. — Сегодня же схожу в ангар. Проверю всё. И заодно подготовлю её к дороге. На случай, если ты... если ты решишь поехать со мной.

Она посмотрела на меня. В её глазах я увидел ту же борьбу, что и вчера — между тем, чтобы остаться, и тем, чтобы уехать. Она ничего не сказала. Только кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Проверь машину. Я сегодня снова на смену. Может, успею заскочить на обед.

Она встала, накинула футболку и пошла в душ. Я смотрел на неё и думал о том, что она сказала. Никакой конкретики. Просто «хорошо».

Пока Кай была в душе, я оделся, собрался и уселся на кровати, ожидая, пока моя любимая закончит водные процеду-

ры. Когда она вышла, расчёсывая свою объёмную гриву волос, я поторопил её. И спустя четверть часа она уже была готова. Сегодня мы отправились в столовую вдвоём. Первый этаж этого заведения был предназначен для чистой публики, столы ломились от разнообразных блюд. Застеленные светлыми скатертями столики, похожие на те, что стояли во множестве земных кафе и ресторанов, так и манили пройти в зал. Но для рабочих путь сюда преграждала прозрачная стенка, а поднявшись по боковой лесенке, мы попали в другой зал, намного меньше первого. Тут имелась стойка с четырьмя основными завтраками на выбор. Ещё три — с напитками, десертами и дополнительными перекусами. Персонала и официантов не видно, а в зале, вместо отдельных столов, рядами стояли длинные прямоугольные столы с высокими барными стульями возле них. Мы не стали завтракать прямо тут, а выбрав себе блюда и десерты по вкусу, вернулись в мою комнату. Но сегодня мы ели молча. Кай была задумчивой, я — настороженным.

Только у двери, когда она уже натягивала куртку и поправляла кепку, я сказал:

— Я проверю всё. Все системы. И маячок.

Она обернулась, посмотрела на меня.

— Будь осторожен, Максим. — Голос был тихим, но твёрдым. — Если заметишь что-то подозрительное — не лезь сам. Позови меня. Мы вместе разберёмся.

— Договорились.

Она улыбнулась — коротко, но тепло — и вышла.

Я посидел в тишине, а потом, видимо придя к какому-то решению, разделся и принял освежающий душ. После него я почувствовал себя бодрее и, одевшись в чистое, взял ключи и вышел из комнаты.

Ангар для техники на Сирокко-6 находился на нижнем уровне, рядом с техническим отсеком, где работал Марк. Я спустился по длинной лестнице, миновал несколько коридоров, где пахло хлоркой и оплавленной проводкой, и вышел в большое помещение.

Здесь было холоднее, чем в жилых блоках. Света было больше — яркие панели под потолком освещали всё помещение, бликуя в светлой заливке пола. Вдоль стен стояли грузовые фуры, багги и вездеходы — несколько машин, принадлежащих станции, и несколько частных. Моя Веста стояла в дальнем углу, у противоположного входа в ангар. Выглядела она как белая ворона среди мелькавших хромом и серебристыми покрытиями кузовов новеньких машин. Я сразу увидел её — серый корпус, слегка обшарпанный, со следами ржавчины и свежими царапинами от песка.

Я подошёл ближе. Осмотрел корпус. Всё было на месте. Никаких следов взлома, никаких повреждений. Но я знал, что Гюрза не любит оставлять видимых следов. Его люди действуют тихо, незаметно. Как в прошлый раз — они подрезали провода маячка так, что он ещё долго работал. А я не заметил, что кто-то успел покопаться под машиной, пока

маячок не отрубился в пустыне.

Я открыл кабину, залез внутрь. Запах старого пластика и пыли — знакомый, почти родной. Включил панель управления, запустил на бортовом компьютере диагностику всех систем машины. Аккумулятор был заряжен, топлива — чуть больше половины бака. Также проверил связь, навигацию. Всё работало.

Потом вылез и залез под машину, чтобы проверить маячок. Провода были целы. Я провёл по ним пальцами — никаких следов подрезов, никаких повреждений. Но я всё равно проверил ещё раз. И ещё.

Вылезая из-под машины, я услышал шаги. Подняв голову, сразу увидел Марка — он стоял в проходе между машинами и внимательно смотрел на меня.

— Доброе утро, Максим, — сказал он, махнув рукой. — Что-то ищешь?

— Проверяю машину, — ответил я, поднимаясь. — Вчера мне сказали, что на станции кто-то спрашивал обо мне. Может быть, ошибка, а может и кое-какие не очень хорошие люди.

Марк нахмурился, подошёл ближе.

— В смысле? На Шестой? Здесь?

— Стойка регистрации. Женщина предупредила меня вчера. Сказала, что моё имя уже знают. Что такие, как Гюрза, часто засылают своих на разные станции.

Марк помрачнел. Я видел, как он напрягся.

— Ну, Кристи врать не будет. Если предупредила, значит, эти твои не очень хорошие уже здесь, — сказал он медленно. — Тень Гюрзы добралась и сюда.

— Добралась. — Я кивнул. — Поэтому и проверяю машину. Если они хотят навредить мне, они могут попытаться повредить Весту. Как в прошлый раз. Подрезать маячок, чтобы я потерялся в пустыне, или провернуть какие-нибудь другие фокусы.

Марк молчал. Потом он сказал:

— Я могу помочь. На станции есть несколько камер в ангаре. Не везде, но частично я могу проверить записи. Если кто-то подходил к твоей машине за последние дни — я увижу.

Я посмотрел на него. Он был серьёзен, в его глазах не было вчерашнего восторга. Только решимость.

— Спасибо, — сказал я. — Буду благодарен.

— Хорошо, — кивнул он. — Сегодня вечером не смогу, а вот завтра зайди ко мне, расскажу, что нашёл.

— Договорились.

Он ушёл так же быстро, как появился. Я остался у Весты и ещё раз обошёл её кругом. Проверил колёса, защитные панели, все стыки. Всё было цело.

Я залез обратно в кабину, закрыл дверь и сидел в тишине, глядя на приборную панель. Я думал о том, что если Кай согласится уехать, нам нужно будет многое. Топливо — как минимум заправить бак под пробку. Запас кислорода, вода.

Еда. Всё, что может пригодиться в пустыне.

Я начал проверять консоль управления, записывая, что нужно пополнить. Топливо. Накачать полные баллоны кислорода. Купить и установить нормальный регулируемый по температуре контур для хранения воды с двумя гидраторами и переходниками для заливки в гидраторы костюмов. Раньше я обходился термофлягами и термосами, а на двоих таких ёмкостей явно не хватит. Запасные картриджи очистки к ним, аптечка, еда.

Закончив проверку и подсчёты, понял, что мне необходимо посетить местный склад. Придётся потратить немного кредитов. Я вылез из кабины, закрыл её на замок и отправился за покупками.

Вернувшись через час с двумя сумками и большой коробкой с питьевой станцией, я загрузил всё в Весту. Теперь, после установки, у меня будет система с достаточным запасом воды на большую часть пути. В пакетах же лежали пайки, наш НЗ минимум на две недели, запасные мембраны для воздушных фильтров Весты, аптечки и сменные картриджи для очистки воды в пути. Всё это стоило почти всех кредитов, что были у меня после перевода от Кай. Но я знал — если мы поедем, это пригодится. А если Кай решит остаться на станции — я просто потратил деньги на то, что могло бы спасти нам жизнь в другой раз. Так сказать, вложение в будущее.

Я посидел ещё немного в кабине своей старушки, глядя

в широкий иллюминатор на пустыню через лобовое стекло. Солнце поднималось, окрашивая песок в золотистый цвет. Я думал о Кай. О том, что она ничего не ответила. Хотя это тоже результат. Отказ поставил бы точку.

Я знал, что она боится. Боится бросить друзей. Боится неизвестности. Боится Гюрзы. Но я также знал, что она сильная. Сильнее, чем сама думает.

Завёл тяговитый двигатель. Веста глухо заурчала, а я не поленился проверить все системы ещё раз. Всё работало. Я выключил двигатель, вылез из кабины. Проверял винты крепления на подушках двигателя, которые могли разболтаться от тряски, когда услышал гул. Сначала далёкий, приглушённый, а потом всё нарастающий. Я поднял голову и посмотрел в сторону шлюза. Оттуда, из гермоворот, медленно выезжала знакомая колонна. Я узнал их сразу — головной «Титан» с антеннами и прожекторами на крыше, за ним грузовые «Колоссы», жилой модуль, топливозаправщик. Караван Джека.

Я замер. Сердце ёкнуло.

Они остановились на площадке ангара, занимая отведённые места. Двигатели затихали, в воздухе повис запах нагретого металла и пустынной пыли. Я стоял у своей машины и смотрел, как они выходят. Первым из кабины «Титана» выпрыгнул Шустрый. Он был в своём обычном комбинезоне, с личным, немного более антропоморфным шлемом на голове. Увидел меня и замер. Глаза расширились, челюсть от-

висла. Он стоял и смотрел на меня, будто увидел призрака. Потом медленно, не веря своим глазам, снял шлем и провёл рукой по волосам.

— Максим? — голос его дрогнул. — Ты... ты живой?

Я улыбнулся. Шагнул к нему. Он двинулся навстречу и, когда мы встретились, обнял меня — крепко, по-мужски, похлопывая по спине.

— Живой, Шустрый. Как видишь.

— Мы думали... — он отстранился, всё ещё не веря, — мы думали, что ты погиб. Буря началась на два дня раньше, чем предсказывали. Серджио сказал, что ты пошёл через каньоны, и мы... — он сглотнул, — мы уже похоронили тебя мысленно.

Из жилого модуля уже начали спускаться остальные караванщики. Борис, припарковав свой «Титан» последним, спустился по трапу, увидел меня и остановился. Лицо у него было хмурым, как всегда, но я видел — он не верит своим глазам. Он подошёл ближе, окинул меня взглядом с ног до головы, потом качнул головой.

Глава 5: Принятие

Лена выбежала из жилого модуля следом за остальными, спрыгнула с подножки и, не сбавляя шага, побежала ко мне. Обняла так крепко, что я почувствовал, как её плечи вздрагивают.

— Максим, — сказала она, и голос её дрожал. — Мы так боялись за тебя. Когда узнали, что буря началась раньше... мы не знали, что делать. Джек хотел организовать поиски, но нас не пустили. Сказали, что это самоубийство.

— Я здесь, Лена. Живой. Всё хорошо.

Она отстранилась, вытерла глаза тыльной стороной ладони и улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты не представляешь, как мы рады тебя видеть.

Пабло подошёл сзади, положил руку мне на плечо. В глазах его блестела влага.

— Esperanza, Максим, — сказал он. — Я знал, что ты выживешь. Ты тот, кто не сдаётся.

— Спасибо, Пабло. Я тоже рад тебя видеть.

Серджио подошёл, когда Лена уже отошла. Он был серьёзен, как всегда, но в глазах я видел облегчение. Он протянул руку, и я пожал её.

— Я ошибся в расчётах, — сказал он. — Буря пришла раньше. Я думал, что... — он замолчал, — я думал, что не успел тебя предупредить вовремя. Что мои слова тебя не

спасли. Это было... тяжело.

— Я слышал твоё предупреждение, Серджио, — ответил я. — Оно помогло. Я был готов. И нашёл укрытие вовремя.

Он кивнул. Я видел — он не до конца верит в моё «повезло», но спрашивать не стал.

Джек подошёл последним. Он шёл неторопливо, спокойно, но я видел — он изменился. В плечах появилась какая-то усталость, в глазах — тень, которой раньше не было. Он остановился напротив, посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я думал, что потерял тебя, — сказал он просто.

— Я здесь, Джек. Живой.

— Как? — спросил он. — Как ты выжил? Буря началась раньше прогнозов. Края каньонов могли осыпаться, схлопнуться. Ты должен был...

— Повезло, — повторил я. — Нашёл укрытие. Спрятался. Переждал. «Веста» выдержала.

— Везение, — сказал Джек. — Ты веришь в везение, Максим?

— Я верю, что мы не умираем, когда нас кто-то ждёт, — ответил я. — А меня тут ждали.

Джек смотрел на меня долго. Потом шагнул вперёд и крепко обнял.

— Ты не представляешь, как я рад, что ты жив. Мы все рады.

Он отстранился, и я увидел, как в его глазах блеснуло облегчение. Он перевёл дыхание, покачал головой.

— Рассказывай, — сказал он. — Ты нашёл её? Свою девушку?

Я кивнул. Улыбнулся — впервые за долгое время улыбнулся искренне, без горечи.

— Нашёл. Она на Сирокко-6. Завтра я вас всех с ней познакомлю.

— Завтра? — переспросил Шустрый. — Ты уже знаешь, где она?

— Её комната в административном блоке. Нашёл её позавчера, какой это был момент... Она сегодня до полудня на смене, а завтра у неё выходной. Мы после завтрака вернёмся в ангар, чтобы снова встретиться с вами, — ответил я. — Вы должны познакомиться. Ваш караван... вы стали мне семьёй за это время. Хочу, чтобы она вас тоже узнала.

Все заулыбались. Лена снова вытерла глаза, Пабло просиял. Даже Борис ухмыльнулся в усы.

— Тогда мы ждём, — сказал Джек. — Завтра после обеда, у нас. Будет посиделка. Как в старые времена. Ждём вас обоих.

— Мы будем, — ответил я. — Обязательно.

Мы постояли немного в тишине. Я смотрел на них — на этих людей, которые стали мне близкими. Я прошёл с ними через пустыню и теперь чувствовал полное единение с этими ребятами. За эти две с небольшим недели эти простые, открытые люди стали моей отдушиной после Сирокко-3. А также подкрепили мою надежду на встречу с Кай. Вместе мы

ремонтировали фуру, ели за одним столом, слушали байки Шустрого, делились страхами и надеждами. Они стали частью моей семьи, которой я был лишён тут. И я был рад, что они живы, что буря не задела их. А они невероятно обрадовались тому, что я выжил. Я видел это по их глазам.

— Слушай, Джек, — сказал я, когда шум встречи начал затихать. — Когда вы собираетесь обратно?

Джек и Серджио переглянулись. На их лицах мелькнула тень — неловкость, что ли. Серджио кашлянул, взглянул на Джека, потом на меня.

— Мы... не собираемся, — ответил Джек. — Не в ближайшее время. Мы остаёмся здесь. На полтора месяца.

Я нахмурился.

— Полтора месяца?

— У нас закончились контракты на доставку, — пояснил Серджио. — Мы привезли оборудование на Сирокко-6. Сейчас мы останемся на Шестой на отдых, а через месяц, отдохнув и набрав сил, начнём готовить следующий рейс. К тому времени получим новые заказы и, набрав максимум груза, двинемся к Сирокко-5 и дальше по всем станциям вплоть до Первой...

— Я думал, вы просто разгрузитесь, проведёте на станции стандартные двое суток и направитесь в обратный путь, — сказал я. — Как всегда.

— Нет, парень, — ответил Джек. — Мы не делаем больше четырёх-пяти рейсов в год. Сам посуди, если мотаться без

остановки круглый год по станциям, какая это жизнь? Техника не выдерживает, а люди и вовсе не железные. Сегодня доставили научное оборудование для местных лабораторий. Оно тяжёлое, хрупкое, требует специальной выгрузки. За пару дней его разгрузим — и на покой до следующего рейса.

Я молчал. В груди что-то сжалось. Полтора месяца. Я не могу ждать и недели. Кай, я нашёл её. И если она примет верное решение, нам нужно возвращаться. На Третью. К ребятам. К Гюрзе. К тому, что я должен был закончить.

— А я-то надеялся... — сказал я медленно, — что смогу преодолеть часть пути до Сирокко-3 с вами. Это было бы удобно. Да и... я привык к вам.

— Мы тоже привыкли к тебе, Максим, — ответил Джек, похлопывая меня по плечу. — Ты стал неотъемлемой частью каравана. И если бы у тебя не было других планов, я даже хотел предложить тебе работу. Но вижу, что не вовремя. Поверь, нам всем очень грустно оттого, что теперь наши дороги расходятся.

— Спасибо, Джек, — ответил я смущённо. — И правда, у меня всё ещё остались дела, но когда-нибудь... Когда-нибудь я приму твоё предложение, если судьба и стихия подарят мне такую возможность.

— По рукам, Максим, — улыбнувшись, ответил Джек и тут же скрепил этот союз со мной крепким рукопожатием.

— Мы боялись за тебя, — добавила Лена. — Я не находила себе места. Думала, что мы уже никогда тебя не уви-

дим. И видеть тебя сейчас, живого... это для нас настоящий подарок.

Шустрый подошёл и хлопнул меня по плечу.

— Ты наш, Максим. Навсегда. Даже если ты уедешь на Третью, ты всегда будешь нашим. Запомни это.

Я смотрел на них. Эти люди, которые стали мне семьёй. Они прошли со мной путь, они делили со мной хлеб и воду. Они переживали за меня, боялись, и я не хотел терять их.

— Я тоже буду скучать, — сказал я. — Вы стали мне родными.

— Да не кручинься ты, Максим, Сирокко круглая, даст бог пустыни — ещё свидимся, — уже бодрее сказал Джек. — А пока у меня есть кое-что, что может тебе помочь.

Он наклонился ближе, понизил голос.

— Спроси на стойке регистрации, кто из местных караванов скоро отправляется на запад. Если попутных не будет, спроси про частников. Иногда частные конвои нанимают торговцы, чтобы перевезти груз на Сирокко-5 или даже до Четвёрки. Ты сможешь присоединиться. Это не будет так удобно, как с нами, но это лучше, чем ждать полтора месяца. Или попробуй поговорить с местными экспедиторами или геологами — может быть, кто-то из них уже готовится к рейсу. И у тебя получится часть пути до Пятёрки пройти с ними.

Я смотрел на него. В его глазах была теплота и забота. Он действительно хотел помочь мне.

— Спасибо, Джек, — сказал я. — Я запомню это.

А затем протянул ему маленькую пластиковую карточку.

— Вот номер моей комнаты. Пока я на станции. В случае необходимости — вы сможете найти меня здесь. Не стесняйтесь. Приходите в любое время.

Он взял карточку, кивнул.

— Договорились.

Потом я попрощался с каждым. По очереди пожал руки всем мужикам — Шустрому, Борису, Серджио, водителям, которых я знал по именам. Обнял Лену — она стояла, утирая края глаз платком, но улыбалась сквозь слёзы. Пабло обнял меня и прошептал на ухо:

— Esperanza, Максим. Она всегда с тобой. Помни.

Потом я подошёл к Хелене и Максу — учёным, которые ехали с ними до самой Шестой. С ними тоже попрощался. Учёные тоже оказались приятными ребятами. Макс пожал руку и коротко улыбнулся, Хелена обняла меня.

— Ты молодец, — сказала она. — Доехал. Нашёл её. Теперь не упускай.

— Я и не собираюсь, — ответил я.

Она улыбнулась и отошла.

— Я найду вас завтра, — сказал я, обращаясь ко всем. — Приду с Кай. Мы поужинаем вместе. Хорошо?

— Хорошо, — ответили они. — Мы будем ждать.

Я развернулся и пошёл к выходу из ангара. За спиной слышался гул голосов, смех, чьи-то шаги. Я чувствовал их взгляды на своей спине. И знал — теперь я не один. У меня есть

семья. И завтра я познакомлю их с Кай. А послезавтра... послезавтра начну искать способ вернуться на Третью.

Выйдя из ангара, я сразу направился обратно в гостевую комнату. Ждать Кай и её окончательного решения.

Вечером Кай не пришла. Я ждал её в гостевой комнате, но она не появилась. Я сходил к её комнате, но там было темно. Марк сказал мне, что у них был аврал — какая-то поломка на третьем уровне. И смены техникам продлили на неопределённое время. Я вернулся к себе, лёг на кровать и смотрел в потолок.

Я думал о том, сколько ещё мы будем ждать. Сколько ещё она будет сомневаться. Сколько ещё Гюрза будет держать нас в страхе. Но я знал — я не могу торопить её. Она должна сделать этот выбор сама.

Я закрыл глаза и уснул. Во сне я снова видел пустыню. И Гюрзу, стоящего на бархане с кривой усмешкой на лице.

Ближе к утру я проснулся от стука. Открыл — Кай стояла на пороге, уставшая, но улыбающаяся.

— Я по тебе скучала, — сказала она, обнимая меня.

Я прижал её к себе. Она пахла машинным маслом и металлом — как всегда после смены.

— Я тоже, — сказал я. — Всё в порядке?

— Всё хорошо. — Она отстранилась и заглянула мне в глаза. — Как машина?

— Всё проверил. Топливо пополнил, фильтры заменил. Запасы воды и еды есть. Если понадобится — можем ехать

хоть сегодня.

Она посмотрела на меня. Я не знал, что она скажет. Но она ничего не сказала. Только поцеловала меня и прошла в комнату.

Я закрыл дверь и понял, что мы всё ещё ждём. Но теперь я знал — я сделал всё, что мог. Остальное зависело от неё.

Проснулись мы уже после обеда. У Кай впереди теперь два законных выходных, и она смогла полностью отдаться сну, отсыпаясь за вчерашние часы переработки. А я рядом с ней, в её объятьях после долгих месяцев разлуки, казалось, мог проспать целую вечность. За окном по барханам пустыни разлилась тёмная патока солнечных лучей, пробившихся будто через багровый светофильтр неба. Тени окрасились в тёмно-бурый цвет, а подсвеченные участки гребней дюн отдавали выжженными, оранжевыми тонами. Ветер гнал цветной песок на юг, и в атмосфере, под яркими лучами светила, эта взвесь переливалась сотнями оттенков.

Кай приподнялась на постели и смотрела на этот завораживающий танец песка.

Я открыл глаза и посмотрел на пустыню. Утомлённое зноем солнце, отражаясь от множества граней, отбрасывало на стены комнаты красивые блики, похожие на горящий, живой огонь. Услышав шелест одеяла, Кай отвернулась от окна, посмотрела на меня сонными глазами и улыбнулась.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — ответил я, улыбнувшись в ответ.

Мы полежали ещё немного, слушая, как за стеной кто-то разговаривает, как гулко постукивает обувь по металлическому настилу пола, затянутому в неизменный резиновый кокон. Потом Кай вздохнула и села на кровати, потянувшись. Её спина изогнулась, и я снова заметил ту самую линию — от шеи до поясницы.

— Нам нужно поговорить, — сказала она, поворачиваясь ко мне.

— О чём?

Она помедлила, теребя край простыни. Я видел — она собирается с мыслями.

— Если я... если я решу уехать, мне нужно предупредить начальство. — Она вздохнула. — Не потому что я хочу. Просто это правильно. Нельзя подставлять людей. Если я уеду без предупреждения, смены полетят. Людям придётся работать в двойную смену. Это нечестно.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри разливается тепло. Она думала о других. Даже когда сама была на грани решения.

— Ты права, — сказал я. — Нельзя подставлять людей. Но если честно, тебе стоило уведомить своё начальство и коллег ещё вчера.

— Я знаю, — ответила она. — Просто... я всё ещё не была уверена. Думала, что смогу принять решение за один вечер. А теперь понимаю — это сложнее, чем я думала.

— Ты не обязана решать всё сразу, — сказал я. — Но на-

чальника лучше предупредить сегодня. Чтобы у него было время подготовиться.

Кай кивнула. Потом посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло что-то новое — любопытство.

— Максим, ты что-то хотел мне сказать? Выглядишь так, будто у тебя что-то важное на уме.

Я улыбнулся.

— Караван. Тот, с которым я ехал через пустыню. Они приехали на Шестую вчера.

Кай удивилась.

— Они здесь? На станции?

— Да. Я встретил их в ангаре, когда проверял Весту. Они думали, что я погиб в каньонах. Буря началась раньше прогнозов. Они уже мысленно похоронили меня.

— Боже, — выдохнула она. — И что они?

— Обрадовались. — Я улыбнулся, вспоминая их лица. — Очень обрадовались. Лена плакала, Шустрый обнимал, Борис ворчал, но я видел — он тоже рад. Джек говорит, он думал, что потерял меня.

Кай смотрела на меня. Я видел, как её глаза становятся мягче.

— Они хорошие люди, — сказал я. — Они стали мне друзьями. Настоящими. Мы прошли через пустыню вместе. Я хочу, чтобы ты с ними познакомилась.

Она отвела взгляд. Я видел — она колеблется.

— Максим, я там никого не знаю. Зачем мне туда идти?

Я буду чувствовать себя чужой.

— Ты не будешь чужой, — сказал я. — Они такие же, как мы. Простые люди, которые работают и живут. Они тепло приняли меня, когда я присоединился к каравану. Я хочу, чтобы они увидели тебя. Чтобы ты познакомилась с ними. Это важно для меня.

Она молчала. Смотрела в стену, потом на меня. Я видел её борьбу — она не хотела идти, но видела, что это важно для меня.

— Это действительно важно? — спросила она тихо.

— Да, — ответил я. — На Сирокко, кроме тебя, ребят с Тройки и мужиков из этого каравана, у меня больше нет никого ближе. Они моя новая семья, Кай. И я хочу, чтобы ты стала частью этой семьи.

Она вздохнула, потом улыбнулась — сдаваясь, но с теплотой в глазах.

— Хорошо, — сказала она. — Мы сходим. Но ненадолго. Я не люблю такие сборища.

— Договорились, — ответил я.

— И ещё, — она подняла палец, — если я скажу, что нам пора — мы уходим. Без споров.

— Без споров, — согласился я. — Ты удивишься, но они тебе понравятся. Обещаю.

Она фыркнула, но улыбнулась при этом. Я поцеловал её в лоб и отпустил.

— Давай-ка собирайся, — сказал я. — Тебе нужно идти

к начальнику. Пока он ещё не ушёл.

Она быстро оделась, затянула волосы в низкий хвост и уже у двери обернулась.

— Я не знаю, как он отреагирует, — сказала она. — Он молодой, глупый. Если я вернусь в плохом настроении — не удивляйся.

— Я буду ждать, — ответил я.

Она улыбнулась и вышла.

Я остался один в гостевой комнате. Сидел на кровати, смотрел на закрытую дверь. Думал о ней. О том, как она боролась с собой, как хотела отказаться, но согласилась. Потому что это было важно для меня. Это много для меня значит.

Вот уже битый час я без дела бродил по комнате, порой останавливался, смотрел в окно на пустыню. Солнце поднималось в зенит, заливая песок белизной. Я думал о том, как много я уже прошёл. И о том, что главное ещё впереди.

Прошло больше часа. Я уже начал беспокоиться, когда услышал шаги в коридоре. Тяжёлые, быстрые. Ключ повернулся в замке. Дверь открылась.

Кай вошла. И я сразу понял — что-то пошло не так. Её лицо было красным, глаза блестели — она едва сдерживала слёзы. Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза.

Я подошёл, взял её за руки.

— Кай? Что случилось?

Она покачала головой.

— Он на меня накричал.

— Кто?

— Начальник. — Голос дрогнул, но она взяла себя в руки. — Я пришла к нему, сказала, что в ближайшие дни, возможно, уеду. Что мне нужно закрыть свои вопросы, и я хочу предупредить заранее, чтобы он успел найти замену или перекроить смены. И он... он просто взбесился. Орал, что я ему срываю весь план на месяц, что он не сможет найти замену за пару дней. Говорит, ты была обязана сказать раньше.

— Ты же сказала ему, что только планируешь?

— Сказала. А он... — она сглотнула, — он сказал, что я должна отработать до прихода замены. Что я не имею права бросать работу. И когда я перестала слушать этот визг и вышла, он крикнул мне в спину: «Катись куда хочешь. Незаменимых у нас нет.»

Она замолчала. Плечи её дрожали. Я обнял её, прижал к себе.

— Не обращай внимания на этого козла, — сказал я. — Он просто злой и не умный. А злится потому что ты делаешь то, что он не может контролировать. Ты всё правильно сделала. Ты предупредила. Остальное — его проблемы.

Она подняла голову, посмотрела на меня. В глазах — боль, но внутри я видел твёрдость.

— Коллеги меня поддержали, — сказала она. — Девчонки сказали, что если я решу ехать — они постараются прикрыть моё отсутствие. Сказали, что я заслуживаю счастья.

— У тебя хорошие коллеги, — сказал я.

— Да, — ответила она. — Мне повезло с ними.

Она помолчала, потом отстранилась, вытерла глаза.

— Нам уже пора? К твоим друзьям?

— Да, — сказал я. — Они ждут.

Она вздохнула. Я видел — она хотела отказаться. В её глазах мелькнула мысль: «может, не пойдём». Но она вспомнила свои слова — «это важно для тебя» — и сдержала себя.

— Ладно, — сказала она. — Пошли.

Мы вышли из комнаты. Я взял её за руку. Она сжала мои пальцы — чуть крепче, чем обычно.

Мы шли по коридорам станции к ангару. Кай молчала, но я чувствовал — она собирается с мыслями, готовится. Идёт в чужую компанию. Я сжал её ладонь, и она улыбнулась мне краешком губ.

Когда мы вошли в ангар, они уже ждали. Стояли у жилого модуля. Джек, Шустрый, Борис, Серджио, Макс и Хелена. Все. Только Пабло и Лена возились внутри у плиты.

Но даже через иллюминаторы жилого модуля Лена увидела нас первой. Она открыла дверь модуля, молодецки спрыгнула с подножки, улыбнулась и шагнула вперёд.

— Это она! — сказала она. — Это Кай?

Я кивнул.

— Знакомьтесь. Это моя Кай.

Кай остановилась на мгновение. Я чувствовал, как она напряглась. Она окинула взглядом компанию — чужие лица,

чужие люди. Она улыбнулась, но улыбка была натянутой.

— Здравствуйте, — сказала она тихо.

Лена тут же подошла, взяла её за руку.

— Проходи в модуль, детка, садись за стол. Ты, наверное, устала. Говорят, ваших вчера до ночи на смене задержали. Мы тут посидим, поужинаем, а потом чай попьём с печеньем.

Кай позволила увести себя в жилой модуль. Мы всей толпой проследовали за женщинами. Внутри Кай села на ближайший стул за овальным столом, сложив руки на коленях. Она была скованной, как пружина. Я сел рядом, взял её за руку. Она не отстранилась, но я чувствовал — она ещё не здесь. Мысленно она была далеко.

Лена пододвинула к ней стакан с соком.

— Попробуй сок, — сказала она. — Мы на Четвёртой его купили чуть ли не сотню литров. Он местный, без химии и прочих примесей.

— Спасибо, — ответила Кай, принимая стакан. Она держала его в руках, но не пила.

— Ты не бойся, — сказала Лена. — Мы свои. Максим — он для меня как сын стал. А раз он тебя выбрал — значит, ты хороший человек.

Кай улыбнулась, но натянуто. Я видел — она не знает, что сказать. Как ей себя вести в этой компании. Она сжала мою руку под столом. Я сжал в ответ.

Первые полчаса Кай была тихой. Сидела, слушала, но не

участвовала в разговорах. Когда кто-то обращался к ней, она отвечала коротко, вежливо. Я видел — она старается, но ей тяжело. Она чувствовала себя чужой.

Потом Шустрый начал рассказывать историю. Про поломку в пустыне. Как они с Борисом уже было отчаялись. Как я подошёл и сказал: «Дай посмотрю».

— Я тогда подумал, — говорил Шустрый, размахивая руками, — ну, парень у нас новый. Ещё не обтёрся. Куда он лезет? А он взял и сказал: «А если переключить на резервный контур?» Нам с Борей осталось только переглянуться. Мы даже не думали об этом! А он полез, переключил, и фура поехала!

Кай повернулась ко мне. В её глазах я видел удивление.

— Ты не рассказывал мне этого, — сказала она тихо.

— Это уже в прошлом, — ответил я.

— Нет, — сказала она. — Это не в прошлом, Максим. Это — часть твоей жизни здесь, а значит и моей.

Шустрый не унимался.

— А потом, когда он уехал через каньоны, мы все думали, что он погиб! Серджио сказал, что буря начнётся через пять дней, не раньше. А она ударила на третьи сутки. Мы уже мысленно его похоронили. А он — живой! Стоит тут, да ещё и с девушкой своей.

Лена кивнула.

— Джек даже ходил в администрацию станции, чтобы нам помогли организовать поиски, пока есть время. Но куда там,

никто не стал рисковать, посылая машины во время бури. Сказали только, когда буря пройдёт, они смогут послать два лёгких багги и всё. Мы не знали, что делать.

— А я думал, — добавил Борис, ворчливо, но с теплотой, — что он дурак, что полез в каньоны. Но он доехал. И теперь мы видим, что удача у Максима за плечами ходит.

Я смотрел на Кай. Она слушала. В её глазах я видел, как она меняется. Скованность начала уходить. Она смотрела на меня по-новому — как будто видела что-то, чего не замечала раньше.

Потом Пабло подошёл и протянул Кай тарелку с каким-то мясным рагу.

— Попробуй, — сказал он. — Это я сам приготовил. Ну и остальных прошу к столу.

Народ начал рассаживаться вокруг стола, накладывая пряное, дымящееся кушанье по тарелкам.

Кай взяла тарелку, попробовала и улыбнулась. На этот раз улыбка была чуть теплее.

— Спасибо, — сказала она. — Вкусно.

— Конечно, вкусно! — Пабло подмигнул. — Я же Пабло. Я знаю, как сделать человека счастливее.

Кай засмеялась. И я понял — она начинает оттаивать.

Потом Хелена подсела к ней, начала расспрашивать о работе на станции, о том, как она оказалась на Сирокко. Кай сначала отвечала коротко, но потом начала рассказывать. Я слышал, как её голос становился увереннее. Как она пере-

стала держать спину прямо, будто готовясь к атаке.

— Я на Сирокко уже почти четыре месяца, — говорила она. — Мы прибыли с Земли, только «Новый Горизонт», как оказалось, забросил нас на разные станции. Долго работала на Сирокко-5, искала Максима. Потом уехала, думала, что он здесь на Шестой. И ошиблась, но он сам меня тут нашёл.

— И как вы встретились? — спросила Лена.

Кай посмотрела на меня. Улыбнулась — уже не натянуто, а по-настоящему.

— Он просто пришёл, — сказала она. — И сказал, что искал меня. И что я ему нужна.

— Красиво, — вздохнула Лена. — Настоящая история любви.

Кай смутилась, но улыбнулась.

— Не знаю, настоящая ли. Но она наша.

К концу вечера я смотрел на неё и не узнавал. Она смеялась над байками Шустрого, пила чай с Леной, обсуждала технику с Борисом. Она была уже не та Кай, что вошла сюда — скованная, напряжённая, готовая убежать. Она была своей. И я видел это по тому, как смотрели на неё остальные. Улыбались. Принимали.

Лена обняла её, когда мы уже собирались уходить.

— Ты хорошая девушка, — сказала она. — Приходите к нам ещё. Мы будем рады.

Кай ответила на объятие. Я видел, как она расслабилась, как её плечи опустились.

— Спасибо, — сказала она. — Я тоже рада была познакомиться.

Когда мы уходили, она остановилась у дверцы жилого модуля и обернулась к караванщикам.

— Спасибо вам, — сказала она. — Правда. Я рада, что у Максима есть такие друзья.

— Он и у тебя теперь есть, — ответила Лена. — Береги его.

Кай кивнула и взяла меня за руку.

Мы шли по коридору к моей гостевой комнате. Кай молчала, но я чувствовал — она не просто молчит. Она переживает что-то внутри себя. Она сжимала мою руку, иногда чуть крепче, чем обычно. Я не торопил её.

В комнате она сняла куртку, прошла к кровати и села, поджав ноги. Я сел рядом. Она молчала, смотрела в стену. Я ждал.

— Ты как? — спросил я наконец.

Она повернулась ко мне. Улыбнулась. В глазах — лёгкая усталость, но какая-то новая мягкость. И тёплая, немного задумчивая улыбка.

— Они хорошие, — сказала она. — Твои друзья. Я думала, что ты приукрашиваешь, когда говорил о них. Думала, что такие люди не встречаются на Сирокко. Что все здесь либо сломлены, либо озлоблены. А они... настоящие. Тёплые.

— Редкость, — согласился я. — Поэтому я их и ценю.

Она помолчала. Потом легла на кровать, положив голову

мне на плечо. Я обнял её. Чувствовал, как её тело расслабляется.

— Начальник сегодня был козлом, — сказала она тихо. — Унизил меня при всех. При коллегах. При других сотрудниках... Сказал, что я никто. Что я ничего не умею. Что без меня работа не встанет.

— Он ошибается, — сказал я.

— Знаю. — Она повернулась ко мне. — Но всё равно было больно. До того, как я встретила тебя, у меня почти никого не было. На Земле мне было одиноко, но там появились Умбра, Шпилька и Борода. Хаунд и остальные. Здесь, на Сирокко, я тоже чувствовала себя одинокой. Я думала, что никогда не найду того, кто будет меня понимать. А ты пришёл и всё изменил. И теперь у тебя есть эти люди. Они тебя любят. Я видела, как они на тебя смотрят. С уважением. С заботой. Они за тебя переживали. Они боялись, что ты погиб в каньонах.

Я обнял её крепче.

— Ты часть моей жизни, — сказал я. — А значит, они и твои друзья тоже.

Она не ответила. Просто лежала рядом, прижавшись ко мне. Я чувствовал, как её дыхание становится ровным, спокойным. Как её плечи расслабляются. Как она перестаёт держать всё внутри себя.

Когда я уже почти провалился в сон, услышал её голос. Она подняла голову и поцеловала меня. А потом, совсем тихо, сказала:

— Я решила, Максим. Я поеду с тобой.

Я открыл глаза. Её лицо было рядом. Я видел её улыбку и слёзы на ресницах. Я не поверил сначала. Думал, что мне снится. Но она повторила:

— Я сказала: я еду с тобой.

В груди разлилось тепло, и я крепче прижал её к себе.

— Ты уверена? — спросил я. Голос сорвался.

— Да, — сказала она. — Сегодня, когда я смотрела на тебя с ними, я поняла — я хочу быть с тобой. Где бы ты ни был. Я хочу, чтобы у меня была такая же семья. Они приняли меня. Они не смотрели на меня как на чужую. Они просто... приняли. И я поняла, что если я останусь здесь, я потеряю шанс на это. На настоящее.

Я не нашёл слов. Просто обнял её и поцеловал. Она уткнулась в моё плечо и прошептала:

— Завтра скажу начальнику окончательно. И начнём собираться.

Я смотрел в потолок. Кай уже почти спала — я чувствовал это по дыханию. А я лежал и думал: она сказала «да». Она едет со мной. Я больше не один.

Пустыня, Гюрза, Третья станция — всё это ждало нас впереди. Но сейчас, в этот момент, я был счастлив. Как никогда за последние месяцы.

Я сжал кулон в руке и закрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.